

Рудольф Эрих Распе

Приключения барона Мюнгхаузена

Рудольф Распе

**Приключения
барона Мюнхгаузена**

«Public Domain»

1785

Распе Р. Э.

Приключения барона Мюнхгаузена / Р. Э. Распе — «Public Domain», 1785

«Прямо из дому отправился я в Россию, в самой середине зимы, совершенно правильно рассуждая, что в зимнюю пору на севере Германии, Польши, Курляндии и Лифляндии проезжие дороги, которые, по свидетельству всех путешественников, еще убийственнее дорог, ведущих к храму Добродетели, должны улучшиться благодаря снегу с морозом – без всякого вмешательства власть имущих, обязанных печься об удобствах населения. Поехал я верхом. Это самый практичный способ сообщения, конечно, при отменных качествах и лошади, и ездока. Тут, во всяком случае, не ввяжешься неожиданно-негаданно в поединок с каким-нибудь щепетильным немецким почтмейстером, да и томимый жаждою почтальон не станет самовольно завозить вас по пути в каждый шинок. Оделся я в дорогу довольно легко, и холод порядком донимал меня по мере того, как я подвигался на северо-восток...»

Содержание

Часть I	5
Приключение первое	5
Приключение второе	8
Приключение третье	13
Приключение четвертое	16
Приключение пятое	20
Часть II	23
Приключение первое	23
Приключение второе	27
Приключение третье	29
Приключение четвертое	30
Приключение пятое	32
Приключение шестое	35
Приключение седьмое, вместе с автобиографией одного приближенного барона Мюнхгаузена, который выступил рассказчиком после ухода последнего	38
Приключение восьмое, барон возобновляет свой рассказ	41
Приключение девятое	48
Приключение десятое	51
Приключение одиннадцатое	52
Путешествие двенадцатое – сквозь землю – и прочие достопримечательные приключения	55

Рудольф Эрих Распе

Приключения барона Мюнхгаузена

Часть I

Приключения на суше

Приключение первое

Прямо из дому отправился я в Россию, в самой середине зимы, совершенно правильно рассуждая, что в зимнюю пору на севере Германии, Польши, Курляндии и Лифляндии проезжие дороги, которые, по свидетельству всех путешественников, еще убийственнее дорог, ведущих к храму Добродетели, должны уллучшиться благодаря снегу с морозом – без всякого вмешательства власть имущих, обязанных печься об удобствах населения.

Поехал я верхом. Это самый практичный способ сообщения, конечно, при отменных качествах и лошади, и ездока. Тут, во всяком случае, не ввяжешься неожиданно-негаданно в поединок с каким-нибудь щепетильным немецким почтмейстером, да и томимый жаждою почтальон не станет самовольно завозить вас по пути в каждый шинок. Оделся я в дорогу довольно легко, и холод порядком донимал меня по мере того, как я подвигался на северо-восток.

Можно себе представить, как при такой стуже и ненастье чувствовал себя несчастный старик, на которого я нечаянно наткнулся в Польше. Он лежал на голой земле у края дороги, дрожащий, беспомощный, едва прикрывая свою наготу жалким рубищем, неспособным защитить его от пронзительного северо-восточного ветра.

Мне стало ужасно жаль беднягу. Сам я совсем ооченел, но тем не менее набросил на него свой плащ.

После этого я как ни в чем не бывало поехал дальше, не останавливаясь до тех пор, пока меня не застигла ночь, окутав все вокруг непроглядным мраком. Ни огонька, ни звука, которые указывали бы на близость селения. Все окрест лежало под снегом, я сбился с дороги и заплутался.

Верховая езда утомила меня до полного изнеможения. Пришлось слезть с лошади, которую я привязал к какому-то крепкому колу, торчавшему из снежного сугроба.

Захватив с собою, ради безопасности, свои пистолеты, я улегся поблизости на снег и так здорово уснул, что продрал глаза только уже среди бела дня.

Каково же было мое изумление, когда я очутился на церковном дворе! Сначала я решил, что моей лошади и след простыл. Но вот я услышал где-то наверху конское ржание. Поднимаю глаза и вижу: конь мой висит на поводу, привязанном к шпилью колокольни.

Тут я сообразил, в чем дело. Деревню за ночь совсем занесло снегом, потом погода резко переменилась. За время сна я незаметно опускался все ниже, по мере таяния снега, пока не достиг твердого грунта; а то, что я принял в темноте за сломанное деревце, торчавшее из сугроба, оказалось шпилем колокольни с флюгером, к нему-то и была привязана моя лошадь.

Не раздумывая долго, схватил я пистолет, выстрелил в ремень, на котором болталось бедное животное, и, благополучно получив его обратно в свое владение, продолжил путь.

Все шло хорошо, пока я не добрался до России, где зимою и вовсе не принято ездить верхом.

Мое правило – приспособливаться к обычаям той страны, куда занесет меня судьба; поэтому я достал одноконные саночки и, повеселевший, покати́л в Петербург.

* * *

Не могу припомнить, где именно случилось со мной одно происшествие: в Эстляндии или в Ингерманландии, знаю наверняка только, что дело происходило в дремучем лесу. За мною погнался страшный матерый волк. Побуждаемый жестоким зимним голодом, он вскоре настиг меня, и мне, казалось, уже не было спасения. Машинально бросился я ничком в сани, предоставляя лошади спасать нас обоих по ее разумению.

Тут случилось то, чего я смутно желал, не смея, однако, рассчитывать на такой счастливый исход.

Волк действительно не обратил никакого внимания на мое тощее тело, но, перепрыгнув через меня, яростно накинулся на лошадь, растерзал и моментально проглотил всю заднюю часть несчастного животного, которое продолжало мчаться во весь дух, вне себя от страха и боли.

Благополучно избегнув неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, что голодный зверь все дальше и дальше вгрызается в свою добычу. Дав ему время поглубже зарыться во внутренности лошади, я огрел волка кнутом. Тот с перепугу рванулся что было мочи вперед; тогда труп лошади шлепнулся наземь, а волк очутился в ее шкуре и хомуте. Я же не переставал беспощадно хлестать его, и таким образом оба мы, здоровы и невредимы, примчались стрелой в Петербург, совершенно против нашего обоюдного чаяния и к немалому изумлению встречающих.

* * *

Не стану, милостивые государи, докучать вам пустой болтовней, описывая порядки в роскошной русской столице, процветание в ней наук и искусств и всякие ее достопримечательности, и того менее хотелось бы мне познакомить вас с интригами и забавными приключениями в избранном петербургском обществе, где, между прочим, принято, чтобы хозяйка дома, встречая гостя, непременно подносила ему рюмку водки из своих рук и громко чмокалась с ним.

Напротив, я намерен привлечь ваше внимание к более достойным и благородным предметам, таким, например, как собаки и лошади, до которых я всегда был страстным охотником, а кроме того, к лисицам, волкам и медведям, водящимся в России, как и всякая дичь, в таком совершеннейшем изобилии, о каком не имеют и понятия в иных странах.

Затем мы, наконец, перейдем к увеселительным поездкам, молодецким забавам и славным подвигам, украшающим дворянина получше обрывков тарабарщины, именуемой греческим языком и латынью, или разных благовонных изделий, коков да завитушек, придуманных французскими умниками и парикмахерами.

Поскольку я не мог немедленно поступить на службу в армию, то у меня оставалось около двух месяцев свободного времени, которое я волен был тратить в веселой компании, как и свои деньги, самым благороднейшим манером, прилично своему званию.

Ночи у нас проходили за игрою или кутежом при звоне полных рюмок.

Холодный климат России и нравы русской нации способствовали тому, что здесь бутылка заняла гораздо более почетное положение промеж общественных удовольствий, чем то, которое занимает она в нашей трезвой Германии. Немудрено, что я встречал среди русских истинных виртуозов по части благородного искусства выпивки. Однако все они и в подметки не годились одному седобородому генералу с медно-красным лицом, обедавшему обыкновенно с нами за общим столом.

Этот старик потерял в сражении с турками верхнюю часть черепа, поэтому, как только в нашем обществе оказывалось незнакомое лицо, он с самой задушевной обходительностью

извинялся за то, что принужден сидеть за столом, не снимая шляпы. За обедом генерал имел привычку опорожнять по несколько графинчиков водки, а под конец обычно запивал эту порцию бутылкой арака или же, смотря по обстоятельствам, удваивал ее. Тем не менее почтенный ветеран при этом нисколько не хмелел.

По-вашему, это выходит за всякие мыслимые рамки?

Извиняю вас, господа; я и сам долго терялся, не зная, чем объяснить такие странности, пока одна случайность не дала мне в руки ключ к этой любопытной загадке.

Дело в том, что наш собутыльник время от времени как будто машинально слегка приподнимал свою шляпу. Я нередко видел этот жест, не придавая ему, однако, никакого значения. Что лбу генерала становилось жарко, было так же естественно, как и то, что старик освежал голову.

Наконец мне удалось подметить, что вместе со шляпой он приподнимает и приделанную к ней серебряную пластинку, заменяющую ему оторванный верх черепа. При этом винные пары от выпитых им крепких напитков улетучивались, устремляясь легким облачком вверх.

Таким образом непонятное объяснилось.

Я сообщил об этом некоторым закадычным приятелям, предлагая подтвердить в тот же вечер свое диковинное открытие наглядным опытом.

С курительной трубкой в руке незаметно подкравшись сзади к старику, я выждал, пока он снимет шляпу, и тут с помощью клочка бумаги поджег поднимавшиеся винные пары.

Нам тотчас представилось небывалое и красивое зрелище. В один миг испарения над головой нашего героя превратились в столб пламени, а часть паров, оставшаяся над волосами старика, мгновенно вспыхнув, образовала вокруг головы голубое сияние в виде нимба.

Мой опыт, разумеется, не мог быть не замечен им; однако генерал не только не рассердился, но даже позволял нам с тех пор повторять эти проказы. Каждый раз, когда за нашим столом появлялся новый человек, мы спешили устроить для него это ошеломляющее зрелище, а желая придать последнему еще больше блеска, начинали наперебой предлагать генералу пари на бутылку арака, старались при этом нарочно проиграть ему и заставляли выпивать его одного все количество выигранного им вина.

Наконец ореол ветерана разросся до таких размеров, что его обладателю уже не стало больше места между простыми смертными. В один прекрасный день он покинул наш бранный мир, вероятно, с тем, чтобы переселиться в Валгаллу и пировать там среди героев, стяжавших бессмертие.

Приключение второе

Обхожу молчанием множество других веселых проказ, в которых, смотря по разным обстоятельствам, мы играли роль то действующих лиц, то зрителей. Теперь у меня на уме позабавить моих слушателей рассказом о несравненно более удивительных и интересных приключениях на охоте.

Было бы излишним упоминать о том, что я больше всего любил водить компанию с людьми, питавшими пристрастие к благородной охотничьей забаве и знавшими в ней толк. Постоянная смена впечатлений, доставляемых охотой, а также необычайное счастье, сопутствовавшее мне в моих охотничьих похождениях, делают эти воспоминания о временах моей молодости исключительно интересными.

Однажды поутру, выглянув из окошка своей спальни, я так и ахнул: расположенный по соседству большой пруд был весь усеян дикими утками.

Схватил я, не теряя ни мгновения, ружье, стоявшее тут же, в углу, и до того стремительно сбежал с лестницы, что треснулся лицом о дверной косяк. Из глаз у меня посыпались искры, однако мешкать было нельзя.

Добежав до пруда на расстояние выстрела, я уже хотел прицелиться, как вдруг, к своему отчаянию, убедился, что от моего ружья при жестоком ударе об дверь отскочил кремень.

Что оставалось мне делать? Терять время было невозможно. К счастью, я вспомнил, что происходило только что с моими глазами. Проворно взведя курок, я прицелился в заманчивую дичь и саданул кулаком по своему глазу. От сильного удара из него опять полетели искры, порох воспламенился, грянул выстрел, и я положил на месте пять пар уток, четырех хохлаток и двух лысух.

* * *

Присутствие духа – главное в молодецком удалстве. Солдаты и мореходы часто бывали обязаны ему своим спасением, однако и охотников выручает оно сплошь и рядом.

Вспоминаю я, как однажды, бродя по берегу озера, опять увидел с полсотни диких уток, которые были на этот раз рассеяны на таком обширном пространстве, что никак нельзя было рассчитывать положить одним выстрелом более двух-трех. На беду, в моем ружье оставался последний заряд; между тем у меня явилось непреодолимое желание унести домой непременно всю прилетевшую на озеро дичь, так как я ожидал к обеду довольно большое и приятное общество.

Вдруг мне пришла в голову счастливая мысль. В моей охотничьей сумке уцелел кусочек ветчинного сала – остаток взятой из дома провизии. Я взял собачью сворку, рассучил ее, чтобы сделать возможно длиннее, и привязал к концу кусочек сала.

Спрятавшись в прибрежном тростнике, я закинул в воду свою нехитрую приманку и стал ждать.

Вскоре, к моей радости, она была замечена одною из уток. Птица поспешно поплыла к ней и жадно проглотила это лакомое угощенье. Прочие утки бросились следом за первой.

Скользкое сало чрезвычайно быстро прошло по всем внутренностям утки и, выйдя из нее с другого конца, снова очутилось в воде, где было вторично проглочено другой, потом третьей птицей и так далее всеми поочередно до самой последней.

В каких-нибудь несколько минут моя приманка совершила путешествие по внутренностям всех уток, причем веревочка, к счастью, не оборвалась и птицы (все до одной!) оказались нанизанными на ней, точно бусы.

И вот теперь, преспокойно вытащив на берег мою незамысловатую снасть с пойманной дичью, я весь обмотался ею, после чего двинулся к своему дому.

Шел-шел и устал. Путь неблизкий, а тащить такое множество добычи становилось мне не под силу, и я уже начал сожалеть о своей ненасытности. Но тут стесняющая меня ноша принесла мне громадное облегчение. Все утки оставались еще живы! Оправившись немного от испуга и недоумения, они вдруг захлопали крыльями и попытались взмыть в небо.

Всякий другой на моем месте растерялся бы; я же воспользовался таким неожиданным оборотом дела и, поднявшись над землю, стал действовать в воздушном пространстве лапами своего камзола как веслом, чтобы устремить полет к своему жилищу. Когда уже летели над ним, я, чтобы спуститься на землю, торопясь, стал поочередно сворачивать шеи моим уткам. Эта операция представляла немалое затруднение, потому что я был принужден начать с самой передней, и если моя отчаянная попытка удалась, то лишь благодаря смелым кувырканьям в воздухе, которые я повторял столько раз, сколько было у меня птиц. Свернув шею последней утке, я медленно спустился в печную трубу и шлепнулся прямо на кухонный очаг, который, к большому счастью для меня, не был еще растоплен.

Трудно описать переполох, вызванный в кухне моим появлением таким не совсем обычным манером. Однако испуг кухонной челяди перешел в радость, когда прислуга, кроме своего господина, увидела еще и его богатую добычу, обещавшую изобильное угощение гостям и домочадцам.

* * *

Похожий случай вышел у меня и со стаей куропаток.

Я отправился на охоту опробовать новое ружье и уже расстрелял весь запас дробы, как вдруг, уже и не надеясь, увидел снявшуюся с места стаю куропаток. Желание добыть несколько из них в тот же вечер к своему столу подсказало мне одно замечательное средство, к которому я советую прибегать и вам, господа, при подобных обстоятельствах.

Подметив, куда опустилась дичь, я скорехонько зарядил ружье вместо свинца шомполом, конец которого заострил на скорую руку. После того я пошел на куропаток и выстрелил по ним в тот миг, когда они вспорхнули. Всего в нескольких шагах от меня мой шомпол опустился на землю с нанизанными на нем семью птицами, которые, должно быть, немало удивились, очутившись так внезапно на самодельном вертеле.

Недаром говорится: «На Бога надейся, а сам не плошай». Но чудо еще не довершилось. Подняв с земли пронзенных птиц, я только хотел запрятать их в свою охотничью сумку, как вдруг заметил, что они оказались уже изжаренными на шомполе, раскалившемся докрасна при выстреле. Перья с них опали, а мясо так аппетитно зарумянилось, что оставалось только положить их на блюдо и подавать на стол. При этом дичь приобрела особый пикантный привкус, который нравится утонченному гурману.

Другой раз попалась мне в одном из дремучих лесов России великолепная чернобурая лисица. Было бы жаль испортить ее драгоценный мех, пробив его пулей или зарядом дробы. Кумушка-лиса стояла, прижавшись к дереву.

В один миг я вытащил пулю из моего ружья, заменил ее крупным плотничьим гвоздем, выстрелил и попал так метко, что пригвоздил пушистый хвост красивого зверя к древесному стволу. После того, спокойно подойдя к лисице, я взял свой охотничий нож, рассек ей крест-накрест кожу на морде и давай хлестать животное нагайкой. Лисица скорехонько выскочила из своей шкуры да и была такова. Я же вернулся домой с богатым трофеем.

* * *

Случай и удача нередко исправляют наши промахи; в этом я убедился вскоре после сказанного происшествия.

Однажды увидел я в лесной чаще детеныша кабана, за которым бежала его matka. Выстрелив по ним, я, к сожалению, промахнулся. Только смотрю: что за чудо? После выстрела детеныш улепетывает что есть духу, а matka же стоит на месте как вкопанная.

Подойдя ближе, я присмотрелся к ней и убедился, что она ослепла от старости, почему и держалась зубами за хвост поросенка, служившего ей проводником – в исполнение сыновнего долга. Свинья бежала за ним, когда пуля, пролетевшая так благополучно для них и так неудачно для меня – между matкой и детенышем, перебила эту живую привязь. Обратившийся в бегство раненый поросенок-поводырь перестал тянуть за собою свинью, и она, естественно, остановилась в недоумении, не выпуская из пасти остатка отстреленного поросычьего хвоста. Недолго думая, я ухватился за этот кончик и преспокойно повел слепую кабанью самку к себе домой – без малейшего сопротивления со стороны беспомощного старого животного.

* * *

Как ни страшны дикие свиньи, вопри куда как свирепее и опаснее их.

Однажды я, не готовый ни к нападению, ни к защите, наткнулся неожиданно-негаданно в лесу на матерого вепря. Едва-едва удалось мне скрыться от него за могучим дубом. Тогда разъяренное животное, думая поразить меня, ударило с такой силой по древесному стволу, что его клыки глубоко вонзились в дерево и застряли в нем.

«Погоди же ты, – подумал я, – теперь тебе не вырваться».

Схватив камень, я принялся заколачивать им клыки вепря еще глубже в твердый дуб. Как ни рвался зверь от боли и бешенства, его отчаянные усилия ни к чему не привели. И пришлось этому супостату волей-неволей дожидаться моего возвращения из соседней деревни, куда я сбегал за веревками и телегой, чтобы привезти его живьем к себе домой, что и ухитрился сделать без особенных затруднений.

* * *

Конечно, милостивые государи, вы слышали о святом Губерте – храбром покровителе охотников и стрелков, – а также о благородном олене, который явился ему в лесу со святым крестом между рогами?

Каждый год в удалой компании усердно воздавал я честь и хвалу охотничьему патрону и сто раз видывал священного оленя либо нарисованным в церквах, либо вышитым на гербах рыцарей. Блюдя правила чести и совести доброго охотника, едва ли сумею сказать определенно, водились только прежде такие олени с крестами или же они существуют и в наши дни. А только вот что вышло однажды со мною самим.

Когда на охоте расстрелял я все свои заряды, вдруг передо мной точно вырос из-под земли чудесный олень. Стоит и смотрит на меня, да так смело, словно знает, что мой патронташ и дробница совершенно пустехоньки.

Невмоготу мне стало: зарядил я ружье одним порохом, а вместо дроби присыпал к нему горсть вишневых косточек, которые добыл тут же, наскоро сорвав немного вишен и очистив мякоть. Этим зарядом я выстрелил по оленю и угодил ему прямо в макушку между рогами.

На один миг он был оглушен – пошатнулся, упал, однако вскочил и – давай Бог ноги.

Год или два спустя охотился я в том же лесу; вдруг – что бы вы думали? – откуда ни возьмись статный олень, а у него между рогами чудесное вишневое дерево, этак повыше десяти футов. Я тотчас припомнил свое давнишнее приключение, и так как еще с того дня считал это животное своей собственностью, то и уложил его метким выстрелом.

Таким образом в придачу к жаркому получился и замечательный десерт, потому что дерево было сплошь усеяно румяными вишнями, вкуснее которых я не пробовал до той поры.

Да, государи мои, как знать, пожалуй, какой-нибудь пылкий преподобный Немврод – настоятель монастыря или епископ, страстный любитель охоты, – вот на такой же манер украсил крестом между рогами оленя святого Губерта! Ведь духовные особы искони славилась искусством по части украшения чужих лбов, да и теперь усердно поддерживают эту славу. А добрый охотник в горячую минуту не разбирает ничего и ни перед чем не останавливается, лишь бы не упустить из рук лакомой добычи. Сужу по себе, потому что сам не раз подвергался соблазнам подобного рода. А в какие попадал я передряги, так уму непостижимо!

Например, как вам понравится вот хоть бы такой казус?

Однажды, в бытность мою в Польше, я, охотясь, был застигнут в лесу вечерними сумерками. Беда: ни света Божьего на небе, ни пороку в пороховнице! Повернул я восвояси, как вдруг валит из лесной чащи страшный медведь с разинутой пастью, и прямо на меня.

Напрасно обшаривал я проворными пальцами свои карманы в надежде нащупать остатки пороха и свинца. Мне попались под руку только два ружейных кремня, которые обыкновенно охотники берут про запас. Схватив один из этих кремней, я со всего размаха швырнул его в разинутую пасть медведя с такой силой и ловкостью, что камешек проскочил в самую глотку.

Не особенно довольный моим угощением, мишка повернул налево кругом, став на четвереньки задом ко мне, чем я и воспользовался, чтобы всадить ему второй кремень с другого конца. Пущенный не менее ловко, камешек не только попал по своему назначению, но в просторном пузе медведя еще и стукнулся что было мочи о первый. Раздался оглушительный треск, сверкнул огонь, и зверя моментально разорвало на части.

Говорят, искусный аргумент *a posteriore*¹, приведенный кстати, да еще вдобавок столкнувшийся хорошенько с аргументом *a priori*², разносил без остатка с не меньшим успехом иных свирепых ученых и философов с медвежьими повадками. Что же касается меня, то хотя на этот раз я остался здоров и невредим, однако не желал бы проделать вторично такой же штуки или столкнуться опять с медведем, не имея в запасе иных средств обороны.

Впрочем, мне точно было так уж на роду написано, чтобы на меня нападали самые страшные и лютые звери именно в то время, когда я не имел возможности дать им отпор, как будто всякий раз они угадывали мою незащищенность своим звериным чутьем.

Так, в один прекрасный день, охотясь, едва я успел свинтить кремень с моего ружья, чтобы немного наточить его, как вдруг вблизи раздалось медвежье стенование. Оглянулся: на меня идет лохматое чудовище, да так и напирает!

Все, что мог я предпринять для своего спасения, – это поспешно вскарабкаться на ближайшее дерево. На беду, влезая, уронил я мой охотничий нож, которым только что орудовал, и теперь мне нечем было закрепить винт ружейного кремня, ходивший ужасно туго. Между тем медведь остановился под деревом, и я должен был ежеминутно ожидать его нападения.

Выбивать искры из своих глаз, как я делал прежде, мне больше не хотелось. Не говоря уже о прочих неудобствах этого приема, я поплатился за него сильнейшей глазной болью, от которой с тех пор так и не смог избавиться. Торчавший стоймя в снегу охотничий нож точно поддразнивал меня с затаенным коварством; я пожирал его глазами, но никакие умиленные взгляды ничем не могли помочь беде. Наконец мелькнула мысль, столь же необыкновенная,

¹ Апостериори – на основании опыта, из опыта (*лат.*).

² Априори – независимо от опыта, до опыта (*лат.*).

сколько и счастливая, а именно: я принялся плевать на рукоятку ножа. На жестоком морозе моя слюна немедленно замерзала, и минуты через две из нее образовалась предлинная ледяная сосулька, доходившая уже до нижних ветвей дерева. Я ухитрился дотянуться до нее рукою и без особенного труда, но с величайшими предосторожностями с помощью такого хрупкого приспособления достал наконец свой нож. Едва мои окоченевшие пальцы успели накрепко завинтить ружейный кремень, как мишка пожаловал уже ко мне с визитом.

«Право, – подумал я, – надо быть медведем, чтобы так удачно выбрать момент».

Вслед за тем с дерева грянул такой приветственный салют в честь дорогого гостя, что тот полетел кувырком и тут же распрощался с жизнью.

В другой раз так же неожиданно бросился на меня огромный волк. Не имея иного средства обороны, я инстинктивным движением засунул ему в разинутую пасть свой кулак и, защищая собственную жизнь, проникал в его горло рукою все глубже, глубже, глубже, пока она почти до самого плеча не погрузилась в волчью утробу.

Но что же делать далее? Не могу сказать, что такое беспомощное положение было мне по душе. Оказаться лицом к лицу с волком! Я думаю, это дело нешуточное. Мы поглядывали один на другого весьма недружелюбно. Стоило мне вытащить из пасти зверя свою руку, и он бы кинулся на меня с удвоенной яростью – это слишком ясно читалось в его горящих глазах. И тогда ухватил я его покрепче за кишки, тряхнул хорошенько, вывернул наизнанку на манер перчатки, кинул наземь – да и был таков.

Однако я не рискнул прибегнуть к такому же приему, когда вскоре после этого в одном из узких переулков Петербурга за мною погналась бешеная собака.

«Нет, тут давай Бог ноги!» – сказал я себе, сбросил с плеч тяжелую шубу для пущей прыти да и юркнул в первые попавшиеся ворота.

А шуба, доложу вам, была дорогая, подбитая роскошнейшим мехом из голубых песцов, которых я настрелял собственноручно во время наших великолепных зимних охот. Я послал за нею потом своего слугу в полной уверенности, что она не пропала благодаря безлюдью на улицах, куда никто не решался в тот день высунуть нос, так как появление бешеного животного заставило всех попрятаться по домам.

Ценная вещь действительно нашлась и была возвращена мне в целости, после чего я велел убрать ее в платяной шкаф вместе с прочей одеждой.

Как же я наутро испугался, когда у меня в квартире поднялся адский гвалт и я услышал голос своего лакея Ивана, громко звавшего меня из уборной:

– Пожалуйста сюда, господин барон, ваша шуба взбесилась!

Прибежав на его зов, я увидел почти все мои платья разбросанными и разорванными в клочья. Слуга в самом деле не ошибся: моя любимая шуба взбесилась, вероятно, будучи искусана бешеной собакой. Я как раз сделался очевидцем того, как она яростно напала на мой новый парадный камзол и давай трясти его, топтать, возить по полу, не щадя ни бархата, ни золотого шитья!

Только с помощью сокрушительных ударов палкой удалось нам угомонить забияку, после чего в доме водворилось наконец спокойствие.

Приключение третье

Во всех приведенных мною случаях, когда моя жизнь почти каждый раз висела на волоске, меня выручало слепое счастье, чем я умел пользоваться благодаря личной храбрости и присутствию духа. Такие условия, как известно, и способствуют появлению удачливых охотников, воинов и мореходов. Тем не менее надо быть весьма безрассудным и неосторожным охотником, адмиралом или генералом, чтобы во всякой ситуации рассчитывать лишь на свою счастливую звезду, собственную отвагу и находчивость, пренебрегая мудрыми расчетами, подготовкой к предстоящему делу и не заботясь о материальных средствах, необходимых для успеха предприятия. Что касается меня, то я не заслужил упрека в нерадении. Могу с гордостью сказать, что явное превосходство моих лошадей, охотничьих собак, огнестрельного и холодного оружия, как и выдающееся умение владеть им, создали мне самую лестную репутацию среди знатоков. Ни в лесу, ни в отъезде поле не уступал я искуснейшим звероловам, изучив до тонкости все виды этой благородной забавы. Не стану подробно описывать вам, господа, мои конюшни, псарни, как и свой домашний арсенал, предоставляя хвастаться подобными вещами пустоголовым фанфаронам дворянского звания, помешанным на лошадях, собаках и охоте. Не могу, однако, обойти молчанием двух собак, до такой степени отличившихся у меня на службе, что я до сих пор сохранил о них благодарную память.

Одна из них была легавая – поразительно умное, чуткое, неутомимое животное; каждый, кто видел ее, завидовал мне. С нею можно было охотиться и днем и ночью. Когда темнело, я вешал ей на хвост зажженный фонарь, и ночная охота выходила у нас еще удачнее дневной.

Однажды – а случилось это вскоре после моей женитьбы – жена моя выразила желание сопровождать меня на охоту. Я поехал вперед выслеживать дичь, и вскоре моя собака остановилась перед громадной стаей куропаток в несколько сот голов. Я стал поджидать баронессу, ехавшую также верхом следом за мною в сопровождении поручика моего полка и грума, однако время проходило, а никто из них не показывался. Встревоженный таким долгим их отсутствием, я повернул назад и примерно на середине пути неожиданно услышал протяжные жалобные вопли; они раздавались как будто близко, хотя кругом не было видно ни одной живой души.

Сойдя с лошади, я припал ухом к земле и тут не только убедился, что стоны исходят из-под земли, но даже различил при этом голоса моей жены, поручика и грума. В то же время мне бросилось в глаза отверстие каменноугольных копей, черневшее невдалеке. Теперь не могло уже быть никакого сомнения в том, что баронесса и ее злополучные спутники провалились в глубокую шахту. Пустив лошадь в карьер, я поскакал в соседнюю деревню за рудокопами, которым в конце концов удалось, хотя с величайшими усилиями и после долгих приготовлений, вытащить несчастных из этого колодца, глубиной по крайней мере девяносто футов.

Сначала мы вытащили на свет Божий грума, потом его лошадь, потом молодого офицера, его лошадь, наконец баронессу, а за ней ее маленького клепера³. Удивительнее всего в этой истории было то, что при столь ужасном падении не пострадали ни люди, ни животные, не считая легких ушибов и царапин. Все отделались только жестоким испугом. Вы, конечно, понимаете, что об охоте не могло быть и речи. Если же вы, как я подозреваю, успели забыть за время моего рассказа о замечательной легавой собаке, то найдете простительным, что и я позабыл о ней в тот вечер, расстроенный жутким происшествием.

На другое утро мне пришлось отправиться по делам службы в двухнедельную поездку. По возвращении домой я тотчас хватился моей Дианки. Однако никто из домашних не вспомнил в мое отсутствие о ней: вся прислуга думала, что она убежала за мной. Теперь же, к моему

³ Немецкая порода лошадей.

величайшему горю, ее нигде не могли найти. Наконец мне пришло в голову: уж не сторожит ли она до сих пор найденную мною дичь?

Страх и надежда заставили меня в ту же минуту поспешить к знакомой поляне. Действительно, к моей невыразимой радости, верная собака делала стойку на том самом месте, где я оставил ее две недели назад.

– Пиль! – крикнул я.

Она рванулась вперед, и один меткий выстрел уложил на месте двадцать пять куропаток.

Однако несчастное животное едва смогло подползти ко мне, до такой степени обессилело оно от голода и усталости. Мне пришлось взять легавую к себе на лошадь, чтобы доставить ее домой, и вы, конечно, понимаете, что я покорился этому неудобству с величайшей готовностью. При заботливом уходе собака совершенно поправилась за несколько дней, а в скором времени помогла мне разрешить загадку, с которой я, по всей вероятности, никогда бы не справился без ее помощи.

Целых два дня я охотился за одним и тем же зайцем; Дианка беспрестанно выгоняла его, но под выстрел он никак не попадался. В колдовство я никогда не верил: для этого я слишком хорошо знал свет и видел слишком много необыкновенных вещей, но тут у меня уже ум заходил за разум. Наконец заяц подвернулся-таки мне, и я пустил ему вдогонку свой заряд. Косой покатился по траве, и как бы вы думали, что я увидел? Четыре лапы были у него под брюхом, а четыре – на спине. Когда две нижние пары утомлялись, он перевертывался, подражая искусному пловцу, умеющему плавать и на животе, и на спине, и бежал опять с удвоенной прытью на двух других парах лап, успевших тем временем отдохнуть.

Никогда после того не видывал я подобного зайца, да и тогда ни за что не удалось бы мне его увидеть, не будь у меня такой чудесной собаки. Дианка же до того превосходила всех представителей собачьего рода, что я без колебаний назвал бы ее единственной и неповторимой, если бы этой чести не оспаривала у нее моя же собственная левретка. Та была замечательна не столько своей красотой, сколько необычайной резвостью. Если бы вы, милостивые государи, могли ее видеть, то залюбовались бы ею и не нашли бы ничего странного в том, что я так любил ее и так часто брал с собою на охоту. Служа мне, эта собака бегала так скоро, так часто и так долго, что стерла себе ноги до самого живота, и в последнее время жизни я мог еще использовать ее как таксу, в качестве каковой она прослужила мне не один год.

Но еще в бытность свою левреткой она погналась однажды за молодым зайцем, который показался мне подозрительно толстым. На мою несчастную собаку было жалко смотреть: она была щенная, а между тем непременно хотела бежать так же резво, как и порожня. Я, поспевая за нею верхом, порядочно приотстал. Вдруг до меня донесся лай точно целой своры собак, но слабый и нежный. Я не знал, что и подумать. Подъезжаю ближе – передо мной диво дивное.

Зайчиха на бегу принесла зайчат, а моя левретка оценилась, причем число детенышей у обеих оказалось одинаковым. Зайчата инстинктивно пустились наутек, а щенки, также инстинктивно, вдогонку за ними, и мало того, что погнались, но и загнали новорожденную дичь. Таким образом, я окончил мою охоту, загнав шестерых зайцев шестью левретками, тогда как выехал в отъезжее поле всего с одной собакой.

Об этой удивительной левретке я вспоминаю с таким же удовольствием, как и об одной превосходной литовской лошади, которой не было цены. Досталась она мне при довольно любопытных обстоятельствах, когда, замечу, я имел случай отличиться как искусный наездник. Происходило это в Литве, в роскошном поместье графа Прщобовского, где я тогда гостил. Дамы сидели за чайным столом в парадной гостиной, где удерживали и меня, тогда как мужская компания спустилась во двор – смотреть молодого чистокровного скакуна, только что приведенного с конского завода. Вдруг под нашими окнами раздались крики испуга.

Я поспешно выбежал на крыльцо и увидел, что с молодой лошадей никому не сладить. Она рвалась, словно обезумев, становилась на дыбы и не подпускала к себе ни единого чело-

века. Никто не отважился не только сесть на нее, но даже к ней подступиться. Лучшие наездники стояли поодаль в тягостном смущении; страх и беспокойство читались на лицах у всех. Тут я одним прыжком очутился на спине артачившегося животного, которое опешило от такой неожиданности и не успело опомниться, как я уже справился с ним, пустив в ход все утонченные приемы умелой верховой езды.

Желая нагляднее убедить встревоженных дам в одержанной мною победе и рассеять их напрасный страх, я решился вскочить, как был, верхом, в распахнутое настезь окно гостиной. Здесь лошадь послушно ходила подо мною по этой громадной комнате и шагом, и рысью, потом скакала галопом, а в заключение, повинувшись моей руке, прыгнула на чайный стол, где послушно исполнила в миниатюре все приемы высшей школы к величайшему восхищению очарованных дам. Ее движения были так ловки, что от них не пострадала ни одна вещица из драгоценного чайного сервиза.

Мое искусство до такой степени расположило ко мне все дамское общество и самого хозяина дома, что престарелый граф со свойственной ему любезностью стал просить, чтобы я принял в подарок молодого коня. В то время русская армия под предводительством графа Миниха как раз готовилась выступить в поход против турок, и мне желали со всех сторон, чтобы, достигнув театра войны, я летал на моем лихом скакуне навстречу славным и громким победам.

Приключение четвертое

Чудесный конь, пожалуй, был для меня самым лучшим подарком, тем более что он предвещал мне благополучное участие в предстоящем походе, в котором я собирался впервые показать себя на боевом поприще и, конечно, мечтал отличиться. благородное животное, такое послушное, но вместе с тем ретивое и горячее, одновременно ягненок и Буцефал, должно было постоянно напоминать мне о долге честного солдата и о поразительных бранных подвигах юного македонского героя.

Мы шли воевать, имея, по-видимому, главной целью восстановление славы русского оружия, несколько померкшей из-за неудач царя Петра на Пруте. И этого нам удалось достичь вполне, ценою хоть и крайне тягостного, но героического похода с множеством кровопролитных сражений под предводительством доблестного полководца, имя которого я назвал выше.

Скромность не позволяет людям подчиненным приписывать себе ратные подвиги и победы. Военная слава по обыкновению достается полководцам, невзирая на незначительность их личных достоинств, или, уж совершенно незаслуженно, – королям и королевам, которые нюхают порох только на маневрах, знакомы с походной жизнью лишь по лагерным сборам в мирное время, а боевой порядок войска видят на смотрах и парадах.

Ввиду всего этого я не имею никаких притязаний на славу, которую стяжала наша армия в многочисленных сражениях с неприятелем. Все мы сообща исполняли свой долг, а это слово на языке патриота, воина, короче – порядочного человека имеет гораздо более глубокий смысл и более обширное значение, чем утверждают праздные краснобаи.

Поскольку в то время я командовал гусарским полком, то много раз возглавлял разнообразные экспедиции, организация которых всецело возлагалась на меня ввиду моей опытности, знаний и мужества. Значит, я могу, не кривя душой, приписать успех наших самостоятельных военных действий как себе, так и моим храбрым сотоварищам, слепо вверявшим мне свою участь, когда я водил их к победам.

Однажды мы отбивали нападение турок, совершивших вылазку под стенами города Очакова, причем наш авангард попал под сильнейший огонь. Мой ретивый конь-литвин едва не умчал меня в самую свалку.

Я занимал довольно отдаленный передовой пост. Вдруг вижу: от города надвигается на нас неприятельская колонна в густом облаке пыли, мешающем мне определить хотя бы приблизительно ее численность и планы.

Я мог прибегнуть к избитой военной хитрости, окружив себя таким же столбом пыли, однако это не помогло бы мне разобраться в ситуации и не подвинуло бы меня ни на шаг к той цели, достичь которой я был обязан. И я распорядился действовать иначе.

По моему приказу фланговые рассыпались по обоим флангам, поднимая страшнейшую пыль.

Я же в это время с остатком своего полка поскакал прямо на неприятеля, чтобы узнать, каковы его силы.

Мой расчет оправдался: турки держались и дрались лишь до тех пор, пока мои фланговые не нагнали на них страха, расстроив тем самым их ряды. Тут наступил момент храбро броситься на врага. Мы совершенно рассеяли его, разбили наголову и не только загнали обратно в крепость, но заставили совсем покинуть ее и отбросили мусульман очень далеко, на что даже и не рассчитывали.

Благодаря невероятной резвости моего коня я опередил всех преследователей. Когда же, очутившись в самой крепости, я увидел, что неприятель, ища спасения в бегстве, знай себе драпает через противоположные ворота вон из города, то счел за лучшее остановиться на базарной площади да приказать трубачу трубить сбор.

Остановился, оглядываюсь... Вот тебе раз! Позади меня ни трубача, ни кого бы то ни было из моих гусар.

«Что они, скажут, что ли, по другим улицам или куда-нибудь девались?» – подумал я.

Однако, по моим соображениям, гусары не могли быть далеко и негде было им замешкаться.

В ожидании товарищей повернул я своего запыхавшегося литвина к водопою, устроенному на площади. Он жадно припал к воде и пил ее, пил без всякой меры. Меня наконец удивило, почему бедное животное не в силах утолить свою жажду.

А между тем дело объяснилось довольно просто.

Когда я опять стал озираться по сторонам, отыскивая глазами своих солдат, что же представилось моему взору, как вы полагаете, милостивые государи? Вся задняя половина моей несчастной лошади, с крестцом и ляжками, была отрублена напрочь. И выпитая лошадию вода выливалась сзади, не принося животному ни прохлады, ни облегчения.

Как это могло случиться, оставалось для меня совершенной загадкой, пока не прискакал наконец ко мне – причем с противоположной стороны – мой конюх. Среди потока сердечных поздравлений, пересыпанных крепкими ругательствами, он сообщил следующее. Когда в сумятице неприятельского бегства я въезжал вслед за турками в крепость через ворота, сверху неожиданно спустили тяжелую железную решетку; она ударила моего коня по спине и разрубила его пополам. И вот отрубленная задняя часть, очутившись в густой толпе беглецов, отчаянно ломившихся в ворота, принялась жестоко лягаться, производя страшное опустошение среди них, а потом победоносно удалилась на ближайшее пастбище, где, по всей вероятности, мне будет легко ее найти.

Обрадованный такой вестью, я тотчас повернул назад, и передняя половина моей лошади, остававшаяся еще в моем владении, привезла меня на указанный луг необычайно быстрым галопом.

На мое счастье, здесь я действительно отыскал и другую ее половину, причем, к своему немалому удовольствию, убедился воочию, что задняя половина как ни в чем не бывало предается невинному развлечению. Оно было выбрано удивительно кстати. Самый изобретательный церемониймейстер не сумел бы придумать ничего более подходящего для забавы безголового субъекта.

Одним словом, отрубленная часть моего чудо-коня в кратчайший срок уже успела завязать весьма близкое знакомство с гулявшими тут кобылицами и, должно быть, забыла о своем недавнем злключении, судя по задору и веселью ее конского гарема.

При этом, конечно, голова совсем не принималась в расчет, так что жеребята, обязанные своим существованием этим игривым минутам, должны были появиться на свет никуда не годными уродами, у которых не окажется всех органов, временно отсутствовавших у их отца.

Как бы то ни было, я получил неопровержимое доказательство того, что обе половины моей лошади вполне жизнеспособны, а потому велел послать за нашим ветеринаром. Тот, недолго думая, составил половины вместе и сшил молодыми побегами лавра, случившегося под рукой весьма кстати.

Шов благополучно зарубцевался, но тут стало твориться нечто удивительное, подобающее лишь столь прославленному коню. Побегі пустили корни в его теле, стали расти вверх и образовали надо мною густолиственный намет, так что впоследствии я мог с огромной важностью кататься верхом, осеняемый нашими общими лаврами.

* * *

О другом неприятном последствии жаркого дела с турками я упомяну лишь мимоходом.

В ожесточенной стычке я так яростно, так долго и неутомимо разил врагов, что моя правая рука, расхолодевшая, не могла никак уняться и упорно продолжала крушить воображаемого супостата, которого давным-давно уже и след простыл.

Чтобы не колотить ни за что ни про что ни самого себя, ни своих людей, когда они приблизятся ко мне, я был принужден забинтовать свою руку и целую неделю носить ее подвязанной, точно она была отрублена у меня по самый локоть.

* * *

От человека, сумевшего объездить такого дикого коня, как мой литвин, можно с полной вероятностью ожидать, государи мои, также и других чудес ловкости по части акробатического искусства и верховой езды, чудес, которые показались бы несколько неправдоподобными, если бы ими вздумал хвастаться первый встречный. Вот судите сами.

Однажды осаждали мы не помню уж какой именно город, и нашему главнокомандующему до зарезу приспичило разузнать о положении дел в неприятельской крепости.

Между тем незаметно проскользнуть мимо всех передовых постов, пикетов и наружных укреплений неприятеля было очень сложно, почти невозможно. Вдобавок у нас не находилось ни одного человека, способного успешно выполнить такую замысловатую задачу.

Побуждаемый служебным усердием и кипя отвагой, я, пожалуй, чересчур опрометчиво и поспешно взял это дело на себя.

План мой отличался смелостью и простотой. Встав около одной из самых больших наших пушек, я дождался момента, когда грянул выстрел, и тотчас же вскочил верхом на пушечное ядро с целью полететь на нем в осажденный город.

Однако во время этого воздушного полета я одумался на полдороге, и в голове у меня возникли неотвязные сомнения в разумности моего плана.

«Гм, – говорил я сам себе, – в крепость, положим, ты попадешь, а вот как выберешься оттуда? И что с тобою там сделают? Тебя сразу же примут за шпиона да и повесят на первой виселице, а такой постыдный конец не подобает барону Мюнхгаузену».

Вследствие таких соображений я перестал колебаться и, встретив пушечное ядро, пущенное осажденными в наш лагерь, проворно перескочил на него, пользуясь таким прекрасным случаем.

Минуту спустя я попал уже к своим, хотя и не сделав дела, но зато вполне здоров и невредим.

* * *

Как я, так и моя лошадь, славились умением шутя брать любые барьеры. Ни рвы, ни изгороди никогда не заставляли нас сворачивать с прямого пути.

Однажды мчался я верхом по следу зайца, которому надо было пересечь большую дорогу. Как раз в ту минуту по ней проезжала карета с двумя красивыми дамами. Экипаж заслонил от меня бегущего зверька. Но тут моя лошадь так стремительно и легко проскочила со мной над каретой (а в каретных окнах стекла были спущены), что я едва успел на лету почтительно снять шляпу и извиниться перед дамами за такую смелость.

В другой раз я захотел перепрыгнуть верхом через болото, показавшееся мне с первого взгляда значительно уже, чем я нашел его, допрыгнув до его середины. Удерживаясь непосредственно в воздухе, я круто повернул обратно, к тому самому месту, откуда прыгнул, чтобы теперь лучше разогнать лошадь.

Однако и второй прыжок вышел неудачным: мой конь немного не достиг противоположного берега, оборвался, и я очутился в болоте по самую шею.

Тут меня постигла бы неминуемая гибель, если бы я не догадался вытащить самого себя за косу парика отчаянным и страшным усилием правой руки. При этом мои колени крепко стиснули бока лошади, которую я поднял таким образом вместе с собою; она выпрыгнула на берег, и оба мы благополучно спаслись от верной смерти.

Приключение пятое

Несмотря на всю мою храбрость и сообразительность, несмотря на резвость моего коня и нашу обоюдную выносливость и силу, я все же подвергся на турецкой войне многим бедствиям. Между прочим, мне было суждено даже лишиться на время свободы. Благодаря численному превосходству окружившего нас неприятеля мы потерпели однажды жестокое поражение, и я очутился в плену, хуже того, был продан, по обычаю турок, в рабство.

В этом унижительном состоянии меня принуждали исполнять работу, не столько тяжелую и неприятную, сколько, пожалуй, странную и докучную. Обязанностью моей было каждое утро выгонять в поле султанских пчел, стеречь их там целый день под открытым небом, а на ночь загонять обратно в улья. Как-то вечером я недосчитался одной пчелы и тут же увидел, что на нее напали два медведя и уже готовы были растерзать бедняжку, чтобы воспользоваться собранным ею медом. Не имея при себе иного оружия, кроме серебряного топорика, служившего отличительным признаком султанских садовников и земледельцев, я запустил им в разбойников с единственной целью прогнать их. Пчела действительно вырвалась на волю, но зато, на мою беду, от слишком сильного размаха топорик взлетел ужасно высоко и вместо того, чтобы упасть обратно на землю, летел все выше и выше, пока наконец не свалился на Луну. Как же снять его оттуда? Где в целом мире добыть достаточно длинную лестницу, чтобы слазить за ним?

Вдруг мне вспомнилось, что турецкие бобы растут чрезвычайно быстро и достигают поразительной высоты. Не мешкая ни минуты, я поспешил посадить в землю такой боб, который в самом деле скорехонько вытянулся кверху и сам по себе заплелся вокруг нижнего рога Луны. Тогда я преспокойно полез по его стеблю и благополучно достиг ночного светила. Непросто было мне отыскать серебряный топорик в таком месте, где все предметы также блестят и отливают серебром! Наконец я нашел свою пропажу на куче мякины и соломы.

Дело сделано. Хочу спуститься обратно на землю – не тут-то было! Солнечный зной уже успел иссушить нежное растение, и я больше не мог использовать его для спуска. Что придумать? Сплел я себе веревку из соломы, да как можно длиннее, привязал к нижнему рогу Луны и давай по ней спускаться. Крепко ухватившись за соломенный жгут правой рукой, в левой я держал топорик. Спустившись на несколько футов, я обрубил верхнюю лишнюю часть веревки и привязал ее к нижнему концу. Это повторялось множество раз. Вербка моя, разумеется, размочаливалась с каждым разом все больше. К счастью, я уже настолько приблизился к земле, что мог различить загородный дворец султана, возле которого жил.

До земной поверхности, должно быть, оставалось еще добрых две мили, как вдруг моя веревка лопнула; я полетел вниз и с такой силой ударился о землю, что был оглушен до потери сознания. Возрастающая стремительность и необычайная высота падения весьма значительно увеличили удельный вес моего тела, которое вследствие этого ушло в землю по крайней мере на девять футов. Вскоре я пришел в себя, но не знал, как мне вылезти из глубокой ямы. Впрочем, нужда – великий учитель. Я пустил в ход свои ногти, которые не стриг сорок лет, вырыл ими подобие лестницы и выкарабкался на свет Божий.

Наученный горьким опытом, с той поры я придумывал уже более хитрые способы отделяться от медведей, любивших похозяйничать втихомолку на моем пчельнике. Так, однажды я вымазал медом дышло арбы, а сам с наступлением ночи залег в засаду неподалеку. Запах меда приманил громадного медведя, который с такою жадностью принялся лизать конец дышла, что не заметил, как оно вошло ему в глотку; по-прежнему заглатывая дышло, мишка пропустил его себе в брюхо и, продолжая лизать любимое угощение, все подавался вперед. И вот конец дышла высунулся у него сзади. Когда лакомка совершенно продел сквозь себя толстое дышло, я выскочил из своего убежища, схватил здоровенный кол, забил его спереди в отвер-

стие дышла, чтобы отрезать моему пленнику путь к отступлению, и оставил его в таком виде до утра. На другой день случайно проходивший мимо падишах едва не умер со смеху, увидав такое зрелище.

Вскоре после того между русскими и турками был заключен мир. Тогда меня с прочими военнопленными отправили в Петербург. По окончании войны я подал, однако, в отставку и покинул Россию во время великой революции, лет сорок тому назад. В тот год в Европе повсеместно стояла до того лютая зима, что даже солнце, должно быть, простудилось и получило насморк, от которого оно не может вполне избавиться и до сегодняшнего дня. По этой причине на обратном пути в отечество я подвергался гораздо большим неприятностям, чем едуци в Россию.

Мой литвин остался в Турции, и мне пришлось ехать в почтовом дилижансе. Когда нам случилось однажды проезжать по узкой ложбине, по обеим сторонам которой стеной стоял колючий кустарник, я напомнил почтальону о необходимости трубить в рог из опасения столкнуться в таком неудобном месте со встречным экипажем. Почтальон послушался и стал со всей силы дуть в свой инструмент, но не мог извлечь из него ни одного звука, хотя его щеки чуть не лопнули от натуги. Это непонятное обстоятельство таки накликало на нас настоящую беду – навстречу нашему дилижансу действительно мчался другой, с которым мы никак не могли разъехаться на узкой дороге.

Ввиду грозящей опасности я проворно выскочил из экипажа и прежде всего выпряг лошадей. Потом, взвалив себе на плечи карету вместе с поклажей пассажиров, я перепрыгнул со своею ношею через канаву и крутой склон, поросший колючим кустарником, не меньше девяти футов высотой, на чистое поле. Исполнить это было нелегко по причине тяжести нагруженного дилижанса. Совершив обратный прыжок уже за чужой каретой, я снова очутился с моим увесистым грузом на плечах в ложбине, где пролегал почтовый тракт. Затем я побежал обратно к выпряженной паре наших лошадей, схватил каждую из них под мышку и перетащил их таким же порядком, как и дилижанс, то есть посредством двукратного прыжка туда и назад к стоявшему на дороге экипажу. Кучер снова запряг лошадей, мы тронулись в путь и благополучно достигли почтовой станции, уже без каких-либо помех.

Надо еще прибавить, что одна из лошадей, молодая и ретивая, чуть не наделала беды: когда я прыгал вторично, она стала брыкаться и барахтаться от испуга. Но я тотчас справился с ней, засунув копыта ее задних ног в карманы своего пальто. На станции мы отдохнули и пришли в себя после перенесенной передрыги.

Почтальон повесил свой рог на гвоздь у кухонного очага, а я сел напротив.

Послушайте же, милостивые государи, о том, что тут произошло. Вдруг в комнате как грянет: «Тра-тра, тра-ра-ра!» Мы только глаза выпучили: медная труба заиграла сама собою! Однако в ту же минуту нам стало ясно, почему давеча почтальон не мог заставить ее играть: от жестокой стужи звуки примерзли к металлу, из которого она была сделана; теперь же, оттаяв у огня, они полились громко и отчетливо, делая честь музыкальному таланту нашего возницы. Этот славный малый слушал вместе с нами, как звонкий инструмент с великолепными модуляциями исполнял различные номера его репертуара: прусский марш, народные песни, вроде «Без милой и вина», «Личико бледное», «Вечеру вчера Михайло-кум пришел», а также другие хорошие пьесы и даже вечернюю песню «Заснули тихие леса»... Этим закончился маленький концерт, устроенный для нашего удовольствия оттепелью, и то было последним приключением, случившимся во время моей поездки в Россию.

Иные путешественники имеют привычку многое преувеличивать и приукрашивать при передаче своих воспоминаний. Немудрено, что это иногда вызывает недоверие как у читателей, так и у слушателей. Однако если бы кто-нибудь из нашего кружка усомнился в правдивости моих рассказов, то я почувствовал бы себя глубоко оскорбленным и покорнейше попросил

бы ту особу удалиться, прежде чем я начну описывать мои приключения на море, еще более необычайные, хотя и не менее подлинные.

Часть II

Приключения на море

Приключение первое

Первое в жизни путешествие, предпринятое мною задолго до поездки в Россию, ознаменовавшейся только что рассказанными любопытными эпизодами, было совершено по морю.

Возможность побывать в дальних краях сделалась моей единственной заветной мечтой еще в то время, когда я, по выражению моего дядюшки, бравого гусарского полковника с черными как смоль усами, вел тяжбу с гусиной породой и у всех пока вызывало сомнение, представляет ли белый пушок на моем подбородке зачатки гусяного оперения или все-таки мужской бороды.

Отец мой и сам провел значительную часть жизни в странствиях по белу свету и, живя дома, любил коротать долгие зимние вечера в кругу семьи, занимая нас чистосердечными и ничем не приукрашенными рассказами о своих многочисленных приключениях.

По этой самой причине мою страсть к скитаниям можно с одинаковым основанием считать как врожденной, так и привитой мне с детства, в период самой большой впечатлительности.

Немудрено, что я день и ночь бредил чудесами чужих далеких стран и ловил каждый удобный и даже порой неудобный случай, чтобы, пустив в ход и мольбы, и настойчивость, добиться согласия дражайших родителей на мой отъезд из дому. Однако мое непреодолимое желание увидеть свет очень долго не осуществлялось.

Стоило отцу обнаружить кое-какие признаки податливости, как мать и тетка тут же ожесточенно противились моим планам, взлелеянным с такой любовью, и тогда в несколько минут снова превращалось в прах все, чего я успевал достичь тонко обдуманскими убеждениями.

Наконец случилось так, что к нам приехал погостить один из родственников матери. Вскоре я сделался его любимцем – он часто говаривал мне, что готов похлопотать за такого славного бойкого мальчика, когда узнал о моем юношеском горе.

В самом деле, господа, его красноречие оказалось несравненно убедительнее моего, и после долгих споров, увещеваний, возражений и доводов, к моей невыразимой радости, было решено все-таки отпустить меня сопровождать приезжего на остров Цейлон, где его дядя долгое время был губернатором.

* * *

Мы отплыли из Амстердама с важными поручениями от голландского правительства. Если не считать сильнейшей бури, то наше путешествие обошлось без особенных происшествий.

Но об этой буре я должен упомянуть ввиду ее удивительных последствий. Она разыгралась как раз в то время, когда мы стали на якорю у одного острова с целью запастись пресной водой и дровами. Шторм свирепствовал с такою яростью, что вырвал с корнями множество деревьев страшной толщины и высоты и носил их по воздуху.

Несмотря на то что эти великаны тропической растительности весили по несколько сот центнеров, они казались нам не тяжелее кружащихся иногда у нас над головой легчайших птичьих перышек по причине громадной высоты – никак не меньше пяти миль от поверхности земли, – куда деревья увлекал порыв урагана.

Однако, когда ураган затих, каждое дерево упало стоймя отвесно вниз на свое прежнее место и тотчас пустило корни, так что вскоре исчезли почти все следы опустошения.

Только самое высочайшее из деревьев постигла иная участь.

Когда это дерево было вырвано из земли внезапно налетевшим шквалом ветра, на его раскидистых ветвях сидела супружеская чета, собирая огурцы, так как в том краю эти великолепные плоды растут на деревьях. Почтенные супруги совершили свой воздушный полет так же безмятежно, как баран воздухоплателя Бланшара, но своею тяжестью заставили дерево уклониться от того места, где оно росло, и принять горизонтальное положение при полете вниз.

Между тем, по примеру большинства обитателей того острова управлявший ими всемиловитивейший кацик⁴ покинул во время бури свой великолепный дворец из боязни погибнуть под его развалинами. Но вот опасность благополучно миновала, и он уже спокойно возвращался обратно к себе через сад, как вдруг на него с оглушительным грохотом обрушилось упавшее сверху дерево и, к счастью, тут же убило его.

Этот кацик был совершенно несносный тиран, и все подданные, не исключая даже его любимцев и фавориток, были несчастнейшими творениями под луною. В громадных кладовых у него гнили съестные припасы, тогда как население, из которого были выжаты все соки, умирало с голоду.

У жителей принадлежавшего ему острова не было причин бояться внешних врагов. Тем не менее кацик определял каждого молодого парня в солдаты, собственноручно школил его жестокими побоями, чтобы посредством палки сделать из новобранца неустрашимого героя, и время от времени продавал свою коллекцию вояк соседним государям, кто дороже даст, с единственной целью – прибавить к миллионам раковин, доставшимся ему в наследство от отца, все новые и новые миллионы.

В знак благодарности за великую услугу, оказанную, хотя и совершенно случайно, почтенными супругами, собиравшими огурцы, их согражданам, они были возведены последними на освободившийся трон.

Правда, во время воздушного полета эти добрые люди приблизились на такое опасное расстояние к светочу мира, что от этого пострадало как их старческое зрение, так и внутренний свет их разума. При всем том, однако, они управляли государством до того похвально, что, как я узнал впоследствии, каждый из их подданных, принимаясь за огурцы, непременно повторял с благоговением: «Много лет здравствовать нашим кацикам!»

Починив наше судно, порядком попорченное жестокой бурей, и почтительно откланявшись новому монарху и его супруге, мы отплыли с попутным ветром и шесть недель спустя благополучно прибыли на Цейлон.

Недели через две по приезде старший сын губернатора предложил мне отправиться с ним на охоту, на что я согласился с большим удовольствием.

Этот молодой человек, с которым я, конечно, быстро подружился, был довольно крепким мужчиной, привычным к тамошнему жаркому климату: он, можно сказать, шутя переносил усиленные нагрузки, тогда как я почувствовал жестокое изнеможение после недолгой ходьбы под жгучими лучами тропического солнца и, когда мы достигли леса, отстал от своего товарища.

Усталость и зной манили меня к отдыху на живописном берегу бушующего потока, который уже давно привлекал мое внимание, как вдруг в лесной чаще раздался треск ветвей. Я оглянулся и окаменел от ужаса, увидав громадного льва. Он шел прямо на меня, ясно давая мне понять, что ему благоугодно позавтракать моим бранным телом, даже не спрашивая на то моего согласия.

⁴ Индейский вождь в Мексике, Вест-Индии и Центральной Америке (до испанского завоевания); в некоторых странах Латинской Америки и в Испании – влиятельный человек.

Мое ружье было заряжено только крупной дробью. На долгие раздумья у меня не было времени, да и хладнокровия не хватило, и я решил выстрелить по зверю в надежде испугать его, а может быть, и ранить. Но так как от сильного страха я даже не выждал, пока лев приблизится ко мне на расстояние выстрела, то мое неудачное нападение лишь разозлило его и он с бешенством бросился на меня.

Скорее инстинктивно, чем сознательно, пытался я сделать невозможное – спастись ото льва бегством.

Разворачиваюсь – до сих пор при этом воспоминании меня мороз пробирает по коже! – передо мной, буквально в нескольких шагах, чудовищный крокодил уже разевает страшную пасть, направляясь в мою сторону.

Представьте себе, господа, ужас моего положения! Позади меня лев, впереди – крокодил, слева – бушующий поток, справа – пропасть, где, как я узнал после, водились ядовитейшие змеи.

Ошеломленный – что было бы простительно на моем месте и великому Геркулесу, – кинулся я на землю. Все помыслы, на которые еще был способен мой разум, сосредоточились на ожидании, что в мое тело вот-вот вопьются зубы или когти разъяренного льва либо же я окажусь в пасти крокодила.

Вдруг слышу какой-то громкий, но необъяснимый звук. Проходят секунды, и я наконец осмеливаюсь поднять голову, чтобы осмотреться, и...

Вы только представьте себе! К моей невыразимой радости, я убеждаюсь, что лев, в ярости кинувшийся на меня в тот момент, когда я упал ничком на землю, не рассчитал прыжка и угодил прямо в разинутую пасть крокодилу! Голова одного застряла в горле другого, и оба животных, барахтаясь, старались освободиться друг от друга.

Я тут же вскочил на ноги, выхватил свой охотничий нож и одним взмахом отрезал голову льву, так что туловище зверя покатило к моим ногам, судорожно подергиваясь. После этого я вбил львиную голову ружейным дулом еще глубже в пасть крокодила, который тут же издох.

Одержав такую блистательную победу над двумя страшными противниками, я услышал голос моего спутника, вернувшегося за мной. Встревоженный тем, что я замешкался, он пошел разыскивать меня.

После взаимных поздравлений мы принялись измерять длину крокодила, которая составила сорок парижских футов и семь дюймов.

Услышав от нас об этом необыкновенном приключении, губернатор выслал в лес подводу с людьми, распорядившись доставить убитых животных к нему домой.

Из шкуры льва местный скорняк нашел по моему заказу кисетов для табаку. Некоторые из них я раздарил моим новым цейлонским знакомым, остальные же по возвращении в Голландию преподнес бургомистрам, которые хотели отдарить меня целой тысячей дукатов. Лишь с большим трудом удалось мне отклонить этот подарок.

А вот из шкуры крокодила весьма искусно сделали чучело; теперь оно представляет одну из самых примечательных редкостей музея в Амстердаме, где сторож, водящий по обыкновению по залам посетителей, рассказывает всем эту мою историю.

Конечно, его повествование не обходится без прикрас, возмутительно грешащих против истины и правдоподобия.

Так, например, он выдумывает, будто бы лев проскочил сквозь всю внутренность крокодила и собирался улизнуть с другого конца, да не тут-то было.

«Знаменитый на весь мир господин барон, – так сторожу угодно меня величать, – отрубил ему голову и вместе с тем кусок крокодильего хвоста длиной в три фута.

А крокодил, – продолжает иногда рассказчик, – вишь, обиделся, что его так изувечили, – повернулся да как выхватит зубами охотничий нож из рук господина барона да как проглотит

его сгоряча! Ну, разумеется, проглоченный нож вонзился прямехонько в сердце чудовищу, которому тут же и пришел капут».

Нечего и говорить, милостивые государи, насколько неприятно мне бессовестное вранье этого плута. В наш скептический век такое явное искажение истины, конечно же, дает повод людям, не знающим меня хорошенько, подвергнуть сомнению и подлинные мои подвиги, что в высшей степени больно и оскорбительно честному кавалеру.

Приключение второе

В 1776 году я отплыл из Портсмута в Северную Америку на английском военном корабле первого ранга, имевшем на своем борту сто пушек и тысячу четыреста человек команды.

Я мог бы рассказать здесь много любопытного о моих похождениях в Англии, однако предпочитаю приберечь эти истории до другого раза. Упомяну, впрочем, вскользь об одной мелочи, которая ужасно понравилась мне в Лондоне.

Однажды я имел удовольствие видеть на улице короля, ехавшего с большою помпой в парламент. Нарядный кучер баснословной тучности важно восседал на козлах парадной королевской кареты и выщелкивал своим бичом столь же отчетливо, сколь и искусно, королевский вензель GR (Georg Rex).

Что же касается нашего морского путешествия, то долгое время, надо признаться, не случилось с нами каких-либо особенных приключений. Однако приблизительно в трехстах милях от устья реки Святого Лаврентия наше судно со страшною силою ударилось обо что-то, что мы сначала приняли за подводную скалу.

Между тем, когда мы бросили лот, то не обнаружили дна и на глубине пятисот сажен.

Но самым удивительным и непонятным было то, что при этом столкновении мы потеряли руль, бушприт нашего корабля треснул пополам, все мачты расщепились сверху донизу, а две из них упали на палубу.

Одного беднягу матроса, как раз убиравшего в эту минуту грот-марс на верхней рее, с такою силою отшвырнуло в сторону, что он пролетел добрых три мили по воздуху, прежде чем упал в воду. Однако ж ему удалось благополучно спастись, благодаря тому что во время своего воздушного полета он умудрился ухватиться за хвост казары, черного северного гуся, и это, представьте себе, не только замедлило стремительность его падения, но и не дало ему утонуть – примостившись на спине птицы, вернее, между ее шеей и крыльями, он следовал вплавь за кораблем до тех самых пор, пока его не подняли-таки на борт.

Другим доказательством страшной силы удара было то, что людей, находившихся в палубных помещениях, подбросило к потолку. Моя, к примеру, голова вследствие этого резкого движения вверх совсем вдавилась в плечи, и прошло, милостивые государи, по крайней мере несколько месяцев, прежде чем она опять приняла свое естественное положение.

Не успели все мы опомниться от неожиданности и неопишемого общего переполоха, как неприятное происшествие объяснилось появлением на поверхности моря громадного кита, который, по-видимому, просто заснул, греясь на солнышке. Чудовище морское так рассердилось, когда наше судно потревожило его, что не только хвостом сорвало часть обшивки борта и повредило кубрик на палубе, но в то же время схватило со злости зубами большой якорь, висевший обыкновенно у кормы, и протащило нас за собой не меньше шестидесяти миль – по шести миль в час.

Бог весть, куда попали бы мы по его прихоти, если б якорный канат не лопнул, вследствие чего кит потерял наш корабль, а мы – свой якорь.

Возвращаясь спустя полгода в Европу, мы увидали того же самого кита невдалеке от места, где потерпели аварию. Он плавал мертвый на поверхности моря и, без преувеличения, был длиною в полмили.

Мы могли взять на борт лишь небольшую часть этого громадного животного. К нему выслали корабельные шлюпки, и мы с великим трудом отрубили ему голову и, к немалой нашей радости, нашли в ней не только пропавший якорь, но еще свыше сорока сажен каната – и то и другое застряло в дупле китового зуба с левой стороны пасти.

Это было единственное выдающееся событие за все время упомянутого путешествия.

Но постойте! Чуть было не забыл о еще одной прескверной истории.

Когда кит, ухватившись за якорь, тащил наше судно, оно вдруг дало течь и вода начала хлестать из пробоины с такой силой, что работа всех корабельных насосов не могла бы отсрочить нашу гибель и на полчаса.

К счастью, я первый заметил эту пробоину и смело бросился вперед. Отверстие было большое, приблизительно фут в диаметре. И так и сяк старался я заткнуть его, но все мои усилия были безуспешны. Наконец мне посчастливилось-таки спасти наш прекрасный корабль со всем его многочисленным экипажем благодаря удачнейшей выдумке.

Хотя пробоина была очень велика, я заполнил ее, однако, некоторой – гм-м-м – частью своего тела, и мне при этом не понадобилось даже снимать штанов, и, будь отверстие вдвое шире, ее и тогда оказалось бы достаточно.

Вы не станете этому удивляться, милостивые государи, когда узнаете, что и по отцовской, и по материнской линии предками моими были голландцы, по крайней мере вестфальцы.

Из-за моей позиции, пока я служил затычкой, мне было немножко холодно, но, впрочем, меня скоро освободило от неудобства искусство плотника.

Приключение третье

Однажды я подверглся страшной опасности погибнуть в Средиземном море.

Это было летом, недалеко от Марселя. Соблазнившись тихой погодой, я вздумал выкупаться, разделся на берегу и только что бросился в воду, как громадная рыба, завидев меня, кинулась ко мне с разинутой пастью.

Мешкать было нельзя, но и думать о бегстве было делом напрасным. Я успел только свернуться клубком и в таком виде проскочил сначала в горло, а потом и в брюхо проглотившей меня рыбы.

Здесь, как вы, милостивые государи, можете себе представить, некоторое время я находился в совершенных потемках, но и в довольно приятном тепле. Вероятно, мое тело сильно тяготило желудок чудовища; поэтому я надеялся, что оно приложит все старания, чтобы от меня избавиться.

Ожидая желанного момента, с умыслом начал я возиться в довольно-таки просторной темноте, кувыркаться и выкидывать различные штуки с целью ускорить свое освобождение.

Но, по-видимому, ничто не раздражало так прожорливую тварь, как быстрое движение моих конечностей – ведь мне вздумалось исполнить в ее внутренностях настоящую шотландскую пляску, и я знай себе притопывал в рыбьей утробе и кружился как волчок.

Рыба стала метаться, словно бешеная, издавая страшный рев и выскакивая наполовину из воды почти отвесно. Тут она была замечена командой проплывавшего мимо торгового итальянского судна и за каких-нибудь несколько минут убита гарпунами.

Как только ее тушу втащили на борт, я услышал, что люди совещаются и спорят между собою, как лучше вспороть свою богатую добычу, чтобы получить возможно большее количество жира. Понимая итальянский язык, я пришел в жестокое беспокойство, так как опасался, что их ножи вспорют заодно и меня. Ради большей безопасности я разместился в самой середине рыбьего желудка, где с избытком хватило бы места для двенадцати человек, предполагая, что матросы приступят к делу с какого-нибудь края. И только передо мною мелькнула узкая полоска света, как я во все горло крикнул, что весьма рад познакомиться с почтенными господами и с их помощью освободиться из вынужденного заточения, где едва не задохнулся.

Невозможно с достаточной живостью описать изумление, отразившееся на лицах всех присутствовавших на корабле, когда они услышали человеческий голос из рыбьего нутра. Это изумление, конечно, возросло еще более, когда они увидели вылезающего оттуда голого человека.

Ну, конечно, милостивые государи, тут я рассказал им обо всем, происшедшем со мной, как рассказываю теперь вам, причем мои избавители никак не могли вполне надивиться услышанному.

Подкрепившись и утолив жажду, я снова прыгнул в море, чтобы хорошенько вымыться, а потом поплыл к берегу, где оставил перед купаньем свою одежду, и нашел ее в целости на прежнем месте.

Насколько мне помнится, я пробыл добрых полтора часа заточенным в желудке чудовищной твари.

Приключение четвертое

Еще когда я состоял на службе у турецкого султана, мне нравилось кататься на небольшой яхте по Мраморному морю и любоваться живописнейшим видом – роскошной панорамой Константинополя, в том числе и сералем султана.

Однажды поутру во время такой прогулки, залюбовавшись красотой безоблачного неба, я вдруг различил в вышине какой-то круглый предмет величиною приблизительно с бильярдный шар, под которым висело еще что-то. Не теряя времени, я тотчас сбегал в каюту за моим лучшим и самым длинным ружьем для охоты на птиц, без которого, по возможности, никогда не выхожу из дому, зарядил его пулей и выстрелил по летящему предмету, но без всякого толку.

Тогда вместо одной пули я забил в ружейное дуло две; однако и второй выстрел оказался таким же неудачным. Только третий, с зарядом в четыре или пять пуль, пробил с одного боку мою загадочную мишень и заставил ее опуститься.

Представьте же себе мое изумление, когда саженях в двух от нашей яхты показалась прелестная позолоченная колясочка, подвешенная к громадному воздушному шару, превосходившему своим объемом самый большой церковный купол. В этой колясочке находились мужчина и половина бараньей туши, по-видимому, зажатой.

Опомнившись от неожиданности, я немедленно распорядился втащить на борт судна этого человека, рисковавшего утонуть по моей вине. И тут мы все обступили незнакомца тесным кругом, с любопытством рассматривая такое диковинное средство передвижения.

У воздухоплателя, по типу внешности походившего на француза – его французское происхождение в дальнейшем подтвердилось, – из обоих карманов камзола висело по две часовые цепочки с множеством брелков, на которых, надо полагать, были изображены миниатюры – портреты высокопоставленных дам и господ. К каждой петлице его кафтана была прицеплена золотая медаль, по крайней мере во сто каратов ценою, а на каждом пальце блестел перстень с бриллиантом. Карманы у этого счастливица оттопырились от множества кошель, набитых червонцами, они тянули его к земле.

«Боже мой, – подумал я, – должно быть, он оказал особенно важные услуги человечеству, если высокопоставленные господа и дамы, вопреки воцарившейся теперь повсеместно скарденности, очевидно, завалили его подарками».

При всем том незнакомец чувствовал себя так плохо после стремительного падения с высоты, что едва мог ворочать языком. Однако немного погодя он несколько оправился и рассказал следующее:

– Хотя у меня не хватило бы ни способностей, ни знаний, чтобы изобрести самому этот воздушный экипаж, но зато я наделен с избытком отчаянной смелостью акробатов и канатных плясунов, для того чтобы садиться в него и многократно подниматься на нем под облака и даже выше.

С неделю тому назад, а то и больше – я потерял счет времени, – поднялся я на своем шаре с Корнваллийского мыса в Англии, захватив с собой живого барана, чтобы, проделав с ним в воздухе различные жонглерские фокусы на глазах у нескольких тысяч зрителей, бросить его в толпу. К несчастью, десять минут спустя после моего подъема ветер вдруг резко переменялся и, вместо того чтобы нести меня в Эксетер, где я рассчитывал опуститься, помчал к морю, над которым, должно быть, я и носился все время на неизмеримой высоте.

Хорошо еще, что мне не удалось приступить к жонглированию с бараном и он не был выкинут мною за борт.

На третий день моего воздушного путешествия я решился заколоть его ввиду нестерпимого голода. В то время луна оставалась уже далеко подо мной, и к концу шестнадцатичасового подъема я подлетел настолько близко к солнцу, что спалил себе брови. Пользуясь слу-

чаем, я, предварительно сняв шкуру с бараньей туши, выставил ее в том месте в корзине, где солнце припекало сильнее всего или, иными словами, куда шар не отбрасывал тени, причем мясо вполне прожарилось и аппетитно подрумянилось за каких-нибудь три четверти часа. Это жаркое и служило мне единственной пищей несколько дней.

Здесь рассказчик умолк, взглядываясь в окрестности. Когда же я сообщил ему, что в зданиях напротив нас помещается сераль турецкого султана, он был крайне поражен, так как, очевидно, ожидал попасть совсем в другое место.

– Причиной столь долгого моего полета было то, – продолжил наконец воздухоплаватель, – что у меня лопнула бечевка, привязанная к внутреннему клапану воздушного шара, предназначенного для выпуска воспламеняющегося газа. Если бы вы не выстрелили в шар и не пробили бы его, то, чего доброго, я был бы обречен, подобно пророку Магомету, носиться в воздухе между небом и землей до дня Страшного суда.

Золоченую колясочку наш француз имел великодушие подарить моему шкиперу. Что же касается шара, то от повреждения, причиненного ему пулей, он разорвался в клочья, опускаясь на землю.

Приключение пятое

Поскольку, милостивые государи, у нас вполне достанет времени осушить новую бутылку вина, то я хочу рассказать вам еще и о другом весьма любопытном происшествии, случившемся со мной за несколько месяцев до моего окончательного возвращения в Европу.

Султан, которому я был представлен посланниками – римским, русским и французским, – поручил мне устроить в Каире одно дело величайшей важности, которое, вместе с тем, должно было остаться навсегда ненарушимой тайной.

Я отправился исполнять поручение, выбрав путь по суше, с большой помпой и многочисленной свитой. Дорогой же мне представился случай еще увеличить свой штат весьма полезными субъектами. Так, едва успев удалиться от Константинополя на несколько миль, я увидел маленького тощего человечка, бежавшего, не разбирая дороги, с необычайной быстротой, хотя к каждой ноге у него была привязана свинцовая гиря в пятьдесят фунтов весом. С удивлением окликнул я его и спросил:

– Куда, куда ты так спешишь, мой друг, и зачем мешаешь своему бегу таким тяжелым грузом?

– Целых полчаса, – отвечал скороход, – бежал я из Вены, где до сих пор служил у одних знатных господ, а сегодня был ими уволен. Хочу добраться до Константинополя, чтобы там пристроиться на место. С помощью гирь на ногах я имел в виду несколько умерить быстроту моего бега, что теперь больше не нужно, потому что *moderata durant*⁵, как любил внушать мне мой наставник.

Этот Азахаил⁶ произвел на меня самое благоприятное впечатление; я предложил ему поступить ко мне на службу, и он согласился. Вместе с ним позднее мы посетили еще много городов и стран.

Однажды смотрю: недалеко от дороги, на зеленом лугу лежит, молча и не шевелясь, какой-то человек и, похоже, спит. Между тем он не думал спать, а только припал ухом к земле с таким пристальным вниманием, словно старался подслушать, что происходит в преисподней.

– К чему ты прислушиваешься, любезный?

– Я ради времяпрепровождения слушаю, как трава растет.

– И тебе удастся уловить шум ее роста?

– О, что же тут мудреного?

– Тогда поступай ко мне на службу, приятель; кто знает, что может иногда понадобиться мне подслушать.

Малый вскочил на ноги и последовал за мною.

Недалеко оттуда стоял на холме охотник со вскинутым ружьем. Тррах! Он выпалил в воздух, прямо в голубое небо.

– Бог в помощь! Бог в помощь, стрелок! По чему ты стреляешь? Я не вижу ничего, кроме голубого неба.

– О, я только пробую вот это новое кухенрейтеровское ружье. Там, на шпиле Страсбургского собора, сидел воробей; я сейчас его убил.

Кто знает мою страсть к благородному занятию охотой и стрельбой, тот не удивится тому, что я тотчас заключил в объятия бесподобного стрелка. Что я не пожалел ничего, лишь бы заманить его к себе на службу, это само собою разумеется.

⁵ Тише едешь, дальше будешь.

⁶ Племянник Давида.

Мы снова отправились в путь по разным городам и землям и наконец достигли Ливанского хребта. Там, перед большим кедровым лесом, стоял коренастый, приземистый человек и тянул за веревку, окинувшую весь лес.

– Зачем ты делаешь это, мой друг? – в недоумении полюбопытствовал я.

– Да вот понадобился мне строевой лес, а топор-то я позабыл дома. Теперь надо как-нибудь обойтись без него.

С этими словами он дернул за веревку что было силы и на моих глазах повалил, точно охапку тростника, целый лес площадью в квадратную милю.

Что я тотчас же сделал, нетрудно угадать. Я не выпустил бы из рук этого малого, если бы даже он запросил с меня сумму, равную моему окладу чрезвычайного посла.

Вскоре после этой встречи я добрался наконец до Египта. Только ступил я на египетскую территорию, как внезапно поднялась такая страшная буря, что я боялся быть подхваченным ею и унесенным по воздуху вместе с моим обозом, верховыми лошадьми и свитой.

По левую сторону дороги стояло рядом семь ветряных мельниц, крылья которых, мелькая, вращались на своих осях с невероятной скоростью, точно колесо самопрялки у самой проворной пряжи. В некотором отдалении, справа от дороги, стоял мужчина, напоминавший своей корпуленцией сэра Джона Фальстафа, и придерживал правую ноздрю указательным пальцем.

Увидав, что мы лишаемся последних сил в борьбе с ураганом и не можем перевести дух, он тотчас повернул в нашу сторону, почтительно вытянулся, словно мушкетер перед своим командиром, и обнажил передо мною голову.

В одно мгновение все стихло; ни один листок на дереве не шевелился больше, и все семь ветряных мельниц остановились разом. Удивленный такой переменной и понимая, что это неспроста, я крикнул чудовищу:

– Эй, любезный, что это значит? Не сидит ли в тебе нечистая сила, или, пожалуй, и сам ты рогатый черт?

– Помилуйте, ваше превосходительство, – возразил тучный урод, – я только помогаю немного моему хозяину, мельнику. Но чтобы не сдуть с лица земли все семь мельниц до единой, я принужден затыкать себе одну ноздрю.

«Вот великолепный субъект, – подумал я. – Этот малый тебе пригодится, когда ты через время вернешься и у тебя будет захватывать дух от рассказов о разных диковинах, которые ты видел, странствуя по морю и суше».

К моему удовольствию мы быстро договорились между собою об условиях найма. «Ветровик» бросил свои мельницы и примкнул к моему каравану.

Вскоре мы добрались до Каира. Как только я вполне удачно исполнил в этом городе поручение турецкого султана, мне вздумалось отпустить всю свою бесполезную свиту, кроме завербованных дорогой молодцев с их удивительными талантами, откланялся египетским правителям и пустился в обратный путь как частное лицо.

Но так как погода стояла великолепная, а прославленная река Нил наяву оказалась прекраснее всяких описаний, то я поддался соблазну нанять барку и отправиться в Александрию водным путем. В продолжение двух дней наше плавание походило на восхитительную прогулку.

Конечно, вы, милостивые государи, слышали не раз о ежегодном разливе Нила. Так вот, на третий день после нашего отъезда из Каира вода начала быстро прибывать, река вздулась, забушевала, а на следующий день вся окрестность на многие мили по обе стороны нильского русла была уже затоплена и представляла собой сплошную водную гладь.

На пятый день наше судно после заката солнца внезапно остановилось, зацепившись за что-то, что я принял сначала за плющ или кустарник. Но когда на другое утро рассвело, я увидел, что мы запутались в чаще миндальных деревьев с совершенно зрелыми и превосходными на вкус плодами. Брошенный лот показывал глубину свыше шестидесяти футов, однако,

к нашему горю, мы не могли податься ни вперед, ни назад. Часов в восемь-девять, насколько я мог судить по высоте солнца, внезапно поднялся ветер, накренивший нашу барку на одну сторону. Она зачерпнула воды, пошла ко дну, и я долгое время ничего не знал о ее участи, о чем вы вскоре услышите.

К счастью, все мы, восемь взрослых мужчин и двое мальчиков, спаслись, ухватившись за деревья, ветви которых были достаточно крепки, чтобы выдержать тяжесть наших тел, но, конечно, не груз нашей барки. В таком положении провели мы три дня, питаясь единственно миндалем. Что нам не приходилось страдать от жажды, и так понятно.

На двадцать второй день нашего бедствия вода стала так же быстро убывать, как и прибывала, а на двадцать шестой мы ощутили твердую почву под ногами. Наше судно было первым приятным предметом, увиденным нами. Оно лежало приблизительно в двухстах сажнях от того места, где затонуло. Просушив на солнце все нужное и полезное нам, мы захватили самые необходимые вещи из нашей поклажи, уцелевшей на барке, после чего отправились разыскивать потерянную нами дорогу. По моим расчетам выходило, что нас отнесло течением на полтора миль в сторону, через садовые ограды и заборы.

Неделю спустя мы достигли реки, вернувшейся опять в свое русло, и рассказали о нашем приключении одному бею. Он обласкал меня и моих спутников, щедро снабдил нас всем, что нам требовалось, и отправил на собственной барке в Александрию. Благодаря его помощи дней через шесть мы были уже там, а из Александрии отправились морем обратно в Константинополь.

По возвращении я встретил у султана самый милостивый прием и, кроме того, удостоился чести попасть в гарем султана. Его величеству было угодно привести меня туда лично и предложить мне на выбор столько красавиц, сколько я захочу, даже из числа султанских жен.

Однако, не имея привычки хвастаться своими любовными похождениями, я умолкаю, но прежде желаю всем вам, господа, приятного сна.

Приключение шестое

Окончив рассказ о своей поездке в Египет, я собирался уже отправиться на боковую как раз в тот момент, когда притупившееся внимание каждого слушателя было возбуждено с новой силой упоминанием о султанском гареме.

Но так как я, с одной стороны, не соглашался удовлетворить любопытство окружающих относительно этого вопроса, с другой – все же не хотел обидеть отказом осаждавшую меня просьбами веселую компанию, то и решил потешить ее еще несколькими любопытными эпизодами, относившимися ко времени моей службы у восточного деспота.

– После моей поездки в Египет, – продолжил я свое повествование, – я сделался решительно необходимым лицом для турецкого султана. Его величество не мог без меня жить, и каждый день, каждый вечер неизменно получал я приглашение к его столу.

Могу засвидетельствовать, милостивые государи, что ни у одного монарха на свете нет такого изысканного стола, как у турецкого султана. Однако это относится лишь к одним кушаньям, а не к напиткам, потому что, как вам известно, закон Магомета запрещает его последователям употребление вина. По этой причине на публичных обедах у турок нечего и думать о выпивке.

Но что не делается открыто, то нередко делается втихомолку, и, несмотря на запрет Корана, иной турок почище любого немецкого прелата знает толк в вине. Так было и с его султанским величеством.

За высочайшим столом, за которым обыкновенно присутствовал генерал-суперинтендант, по-турецки муфтий, читавший перед началом трапезы и по ее окончании соответствующие молитвы, о вине, разумеется, не было и помину. Но после обеда в кабинете султана постоянно ожидала бутылка вина.

Однажды он ласково подмигнул мне исподтишка, приглашая меня следовать туда за ним. Когда же мы заперлись вдвоем в этой комнате, султан вынул из потайного шкафчика бутылку и сказал:

– Мюнхгаузен, мне известно, что вы, христиане, большие знатоки вин. У меня долго хранилась вот эта заветная бутылочка токайского, превосходнее которого вы, конечно, никогда не пивали в жизни.

Тут султан налил в рюмки себе и мне, мы чокнулись и стали смаковать вино.

– Ну, что вы скажете, а? Каков букет? – спросил он.

– Вино недурно, ваше величество, – отвечал я. – Однако, с вашего позволения, в Вене, у императора Карла VI, блаженной памяти, нас угощали лучшей маркой. Ах, черт побери, вот попробовать бы вам такой прелести, ваше величество!

– Друг Мюнхгаузен, не в обиду будь вам сказано, лучшего токайского не найти в целом свете; ведь я достал много времени назад единственную бутылку от одного венгерского магната, который ни за что не хотел уступить мне больше, до такой степени редок этот сорт.

– Ваше величество, да мало ли что можно рассказывать! Поверьте мне, токайское токайскому рознь, как одна великая держава отличается от другой. А господа венгерцы тоже себе на уме: своей выгоды не упустят. Угодно вам держать со мною пари? Ровно через час я берусь доставить сюда непосредственно из императорского погреба в Вене бутылку токайского, которое будет не чета вашему.

– Мюнхгаузен, вы, право, несете полную чепуху!

– Отнюдь. Спустя час вы получите прямехонько из погреба австрийского императора бутылку токайского несравненно высшей марки, чем эта кислятина.

– Мюнхгаузен, Мюнхгаузен, вам, кажется, вздумалось посмеяться надо мною, но я этого не потерплю! Хотя до сих пор во всех ситуациях вы показали себя человеком крайне правдивым, но, знаете, в этом случае... я склонен думать, что вы все же прихвастнули.

– Ах, ваше величество, но ведь я предлагаю вам подвергнуть меня испытанию! Если я не сдержу своего слова – а я заклятый враг всяких надувательств, – то прикажите отрубить мне голову. Ведь моя голова не кочерыжка. Что же вы сами поставите против нее?

– По рукам! Ловлю вас на слове. Если, когда часы пробьют четыре, бутылка токайского не будет здесь, то вы поплатитесь своей головой, я велю казнить вас без всякого милосердия и отсрочки, потому что дурачить себя я не позволяю даже самым лучшим друзьям. Но если выйдет по-вашему и вы исполните то, что обещали, тогда ступайте в мою сокровищницу и берите себе столько золота, серебра, жемчугов и драгоценных камней, сколько может унести самый сильный человек.

– Вот это дело! – отвечал я и попросил, чтобы мне тут же принесли перо и чернильницу.

Я немедленно написал эрцгерцогине австрийской, королеве венгерской Марии-Терезии следующую записку: «Ваше Величество, вам, как единственной наследнице, несомненно, достался вместе с прочим и винный погреб вашего блаженной памяти покойного батюшки. Что, если б я осмелился попросить вас прислать мне с подателем сего бутылку токайского, которое я часто пивал у Его Величества? Только самого лучшего! Дело касается пари. За это я готов служить вам впредь, чем смогу, теперь же покорнейше прошу у Вашего Императорского Величества...» и т. д.

Это послание я поспешил вручить – так как было уже пять минут четвертого – незапечатанным своему Скороходу, которому приказал отстегнуть тяжелые гири от своих ног и безотлагательно отправляться в Вену.

После того мы с султаном допили его бутылку в ожидании лучшей. Пробило четверть четвертого, пробило половину, пробило три четверти – о Скороходе ни слуху ни духу!

Тут, признаюсь, мне сделалось душно и померещилось, будто бы его величество начинает уже поглядывать на шнурок колокольчика, собираясь позвать палача. Хотя я получил позволение пройтись по султанскому саду, чтобы освежиться немного, однако за мною уже следовали по пятам двое слуг, не спускавших с меня глаз.

Мучимый страхом и ввиду того, что часовая стрелка подвинулась к пятидесяти пяти минутам четвертого, я поскорее послал еще за моими Слушальщиком и Стрелком. Оба они явились немедленно, и Слушальщику пришлось растянуться плашмя на земле, чтоб послушать, возвращается ли наконец мой Скороход.

Я немало испугался, когда первый доложил мне, что этот бездельник неизвестно где, но очень далеко от Константинополя, заснул крепким сном и храпит во всю мочь. Едва мой славный Стрелок услышал эти слова, как бросился на довольно высокую террасу и, приподнявшись еще на носки, поспешно воскликнул:

– Клянусь моей бедной душой, лентяй развалился под дубом у Белграда и спит себе, а бутылка лежит с ним рядом. Постой-ка, я тебя пощекочу!

С этими словами добрый мальчик прицелился из своего кухонрейтеровского ружья в густую вершину дерева. Целый град дубовых желудей, веток и листьев посыпался от меткого выстрела на спящего, разбудил его и заставил быстрее ветра пуститься в обратный путь.

Скороход сам струсил, что едва не проспал урочное время. Однако благодаря быстроте ног ему все-таки удалось предстать на пороге султанского кабинета с бутылкой токайского и собственноручной запиской Марии-Терезии, когда часы показывали пятьдесят девять с половиной минут четвертого.

Ну и наступило же тут ликование! А как смаковал драгоценный напиток царственный лакомка!

– Мюнхгаузен, – сказал он, – вы не должны на меня сердиться, если я оставлю эту бутылку для себя. Ваши связи в Вене стоят, очевидно, выше моих, и вам ничего не значит запастись токайским в каком угодно количестве.

С этими словами он, заперев вино в потайной шкафчик, опустил ключ в карман своих шаровар и позвонил, чтобы потребовать к себе хранителя своих сокровищ. О, как приятно отозвался у меня в ушах серебристый звон колокольчика!

– Я должен заплатить вам выигранный заклад, – сказал мне султан. – Слушай, – продолжал он, обращаясь к вошедшему в комнату сановнику своего двора, – пускай мой друг Мюнхгаузен возьмет из моей сокровищницы столько золота, серебра, жемчугов и драгоценных камней, сколько может унести самый сильный человек.

Хранитель султанских сокровищ отвесил низкий поклон своему властелину, ткнувшись носом в землю, мне же султан дружески пожал руку, после чего милостиво отпустил нас обоих.

Вы, конечно же, не сомневаетесь, господа, что я, не мешкая ни минуты, воспользовался полученным разрешением. По моему приказу пришел мой Силач со своей пеньковой веревкой, и мы вдвоем отправились в сокровищницу. Оставшееся там, после того как мой слуга упаковал свою ношу, едва ли соблазнило бы вас.

Из дворца я поспешил со своей добычей прямехонько в гавань, зафрахтовал там самое большое судно, какое только смог найти, и, подняв паруса, отплыл с моим тяжелым грузом и всем штатом прислуги, чтобы скрыться подобру-поздорову, пока не стряслось какой беды.

Чего я опасался, то и случилось. После моего ухода хранитель султанских сокровищ, бросив на произвол судьбы растворенную настезь кладовую – в ней действительно почти уже нечего было запирасть на замок, – помчался сломя голову к своему повелителю и доложил ему, как беспардонно воспользовался я полученными полномочиями. Эта весть поразила султана как гром среди ясного неба. Конечно, он горько раскаялся в своей оплошности и тут же распорядился послать за мною в погоню весь турецкий флот под командою генерал-адмирала, которому было приказано внушить мне, что условия нашего пари имели совсем иной смысл.

Тем временем я успел отплыть от Константинополя всего на две мили и, разумеется, тотчас увидал настигающий меня на всех парусах военный турецкий флот. В эту минуту, признаюсь откровенно, моя голова, только что укрепившаяся на плечах, начала снова колебаться, и довольно-таки сильно. Но ко мне подскочил Ветровик и сказал:

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство!

С этими словами он поместился на корме моего корабля таким образом, что одна его ноздря была обращена к турецкому флоту, другая же к нашим парусам, и принялся дуть что есть мочи. Поднялся страшный ветер, жестоко повредивший мачты, паруса и снасти на кораблях моих преследователей и загнавший их суда обратно в гавань, тогда как мы летели полным ходом в противоположную сторону и несколько часов спустя благополучно пристали к итальянскому берегу.

Впрочем, мне не пришлось вполне воспользоваться несметным богатством. Вопреки возражениям веймарского библиотекаря Ягемана, взявшегося открыто защищать Италию против нападков Архенгольца, бедность и нищенство в этой стране приобрели такой масштаб, а полиция была так беспомощна, что я сначала был вынужден раздать большую часть своих сокровищ уличным попрошайкам – пожалуй, от излишнего мягкосердия. Остальное же было у меня ограблено разбойниками на священной Лоретской земле во время моей поездки в Рим. Однако совесть этих бандитов, вероятно, вполне спокойна. Их добыча была настолько значительна, что даже за одну ее тысячную долю вся эта честная компания могла получить от Римского Папы как для себя лично, так и для своих детей, внуков и правнуков, отпущение грехов, уже содеянных ими в прошедшем, и тех, которые они еще могут содейть в будущем.

Однако, господа, мне в самом деле пора спать. Итак, позвольте пожелать вам покойной ночи!

Приключение седьмое, вместе с автобиографией одного приближенного барона Мюнхгаузена, который выступил рассказчиком после ухода последнего

Досказав предыдущую историю, я, несмотря на просьбы своих слушателей, действительно распрощался с ними и покинул их в самом веселом настроении. Однако же я предварительно обещал при первом удобном случае потешить общество рассказом об интересных странствиях своего отца, которые возбуждали всеобщее любопытство.

Но так как оставшаяся компания принялась оживленно обсуждать только что услышанное и каждый высказывался на этот счет, то один из присутствующих, сопровождавший меня в поездке в Турцию, заметил, что недалеко от Константинополя находится пушка чудовищных размеров, о которой подробно упоминает в своем недавно изданном «Обзоре достопримечательностей» барон Тотт.

И вот что он еще рассказал.

Насколько мне помнится, Тотт сообщает об этой пушке следующее: «Недалеко от города, над цитаделью, на берегу знаменитой реки Симонса, турки водрузили громадную пушку. Она была отлита целиком из меди и стреляла мраморными ядрами, по крайней мере в тысячу сто фунтов весу. Мне неудержимо хотелось, – делится Тотт, – выпалить из нее, чтобы составить верное понятие о действии такого чудовищного орудия. Однако все население боялось этого опыта и трепетало, воображая, что от подобного пушечного выстрела и город, и цитадель обратятся в развалины. Но всеобщий страх мало-помалу рассеялся, и я получил разрешение исполнить свою прихоть. Для выстрела понадобилось ни больше ни меньше как триста тридцать фунтов пороху, а снаряд, как я уже говорил, весил тысячу сто фунтов. Когда к пушке приблизился канонир с зажженным фитилем, собравшаяся вокруг меня кучка народа так и шарахнулась назад. Большого труда стоило мне убедить присутствовавшего здесь для порядка пашу, что бояться решительно нечего. Даже канонира, обязанного по моему сигналу приложить фитиль, колотила дрожь. Я стал в углублении стены позади орудия и подал знак. Последовал ужасный толчок, сопровождавшийся оглушительным грохотом, – ни дать ни взять, как при землетрясении. Пролетев около трехсот сажен, ядро разорвалось на три осколка, они погрузились в море и тотчас выскочили оттуда, чтобы удариться об утесы противоположного берега, вспенив пролив во всю ширину».

Вот, господа, насколько я помню, о чем рассказал барон Тотт, описывая испытание величайшей пушки в мире из известных людям. Когда барон Мюнхгаузен, а вместе с ним и я, посетили тот край, подвиг барона Тотта, выстрелившего из чудовищного орудия, был представлен нам как пример необычайной неустрашимости этого путешественника.

Тут мой покровитель, не переносивший вообще, чтобы француз в чем-нибудь его превзошел, схватил, недолго думая, ту самую пушку на плечи и, придав ей устойчивое положение, прыгнул с нею в море, а несколько минут спустя был уже на противоположном берегу пролива. Оттуда, на беду, он вздумал перебросить пушку обратно на ее прежнее место. Я говорю – на беду, потому что она вырвалась у него из рук чуть раньше, чем барон успел размахнуться как следует. Поэтому она шлепнулась в воду как раз посередине пролива, где лежит доньяне, и пролежит, вероятно, до скончания века.

Вот собственно, чем непоправимо испортил господин барон мнение турецкого султана о себе. История с султанскими сокровищами, которой он приписал немилость падишаха, была давно забыта, потому что доходы этого государя громадны и ему ничего не стоило вскоре восполнить свою опустошенную сокровищницу. Таким образом, Мюнхгаузен тогда в самый

последний раз прибыл в Турцию по письменному приглашению самого султана, да, пожалуй, и теперь находился бы там, если бы потеря знаменитой пушки не разгневала до такой степени жестокого турка, что тот бесповоротно решил обезглавить барона.

К счастью, одна султанша, ужасно полюбившая Мюнхгаузена, не только предупредила моего покровителя о кровожадном плане деспота, но и скрывала его у себя в комнате до тех пор, пока офицер, которому было поручено исполнение бесчеловечного приговора, со своими подчиненными всюду искал осужденного.

При наступлении ночи мы бежали на борт корабля, отправлявшегося в Венецию и уже готового поднять паруса, – вот так нам удалось спастись.

Барон не любит вспоминать об этом происшествии, потому что его смелая затея закончилась неудачей и этот промах едва не стоил ему жизни. Но так как здесь нет ничего позорного для чести почитаемого мною человека, то я и позволяю себе иногда рассказывать об этом любопытном эпизоде за его спиной.

Теперь, господа, вы еще лучше узнали барона Мюнхгаузена и, конечно, не станете больше сомневаться в его правдивости. Но чтобы вам не пришлось в голову усомниться и в моей – чего, впрочем, я не хочу и предполагать, – будет нелишним сообщить, кто я таков.

Мой отец, или тот, кто им считался, был швейцарец, родом из Берна. В этом городе в его обязанности входил, так сказать, главный надзор за улицами, бульварами, переулками и мостами. Чиновники такого рода носят в той стране звание... гм... метельщика улиц. Мать моя была уроженкой Савойских гор и носила за плечами необыкновенно красивую большую корзину, как это водится у прекрасного пола в том краю. Она покинула родительский дом в весьма юном возрасте и отправилась искать счастья как раз в тот город, где мой отец увидел свет. Будучи не замужем, она не имела недостатка в средствах, потому что пользовалась большой благосклонностью со стороны мужского пола. Никто не мог пожаловаться на ее суровость, особенно если не скупился в материальном отношении. Батюшка, в свою очередь, имел большой успех у дам.

Эта славная парочка встретилась впервые на улице, и так как оба они были навеселе, то нечаянно столкнулись друг с другом и полетели наземь вверх ногами. При этом как одна, так и другая сторона вела себя довольно буйно, и вышел порядочный скандал. Нарушителей тишины сначала отвели в часть, а потом водворили в рабочий дом. Здесь они скоро осознали всю нелепость ссоры, помирились, почувствовали взаимно нежное влечение и вступили в брак. Но так как моя мать не замедлила вернуться к своим прежним занятиям, то мой отец при его слишком высоких понятиях о чести был принужден с нею разойтись, предоставив ей получать доходы с вышеупомянутой корзины. Тогда матушка примкнула к странствующей труппе, которая показывала кукольные представления. Со временем судьба привела ее в Рим, где она занялась торговлей устрицами.

Бесспорно, все вы слышали о Папе Ганганелли, или Клименте XIV, как и о том, что он был страстным любителем устриц. Как-то в пятницу, когда Папа шествовал по городу во главе пышной процессии к собору Святого Петра, чтобы отслужить там торжественную мессу, его взгляд внезапно упал на устрицы, заманчиво разложенные на прилавке моей матери (по ее рассказам, товар у нее был в тот день особенно свеж и отборен). Климент XIV не мог устоять против искушения полакомиться своим любимым блюдом. Его свиту составляли не менее пятисот особ, однако, не смущаясь этим, он велел остановить процессию, а в церковь послал сказать, что не может служить в это утро. Затем его святейшество спрыгнул с коня, потому что Папы в торжественных случаях всегда ездят верхом, вошел в лавку моей матери, съел сначала все устрицы, бывшие здесь, а потом спустился с нею в погреб, где хранились и другие припасы. Это подземное помещение служило матушке кухней, гостиной и спальней. Оно так понравилось папе, что тот отослал прочь всех своих провожатых. Одним словом, святой отец провел

целую ночь у моей матери, а на другой день перед уходом дал ей полное отпущение не только тех грехов, которые она совершила раньше, но и тех, какие могли случиться с нею в будущем.

И вот, господа, моя мать давала честное слово, – а кто бы мог усомниться в такой чести? – что ваш покорный слуга явился плодом той устричной ночи.

Приключение восьмое, барон возобновляет свой рассказ

Нетрудно себе представить, что при каждом удобном случае ко мне обращались с просьбами о продолжении моих настолько же поучительных, насколько и интересных рассказов, согласно данному мною обещанию. Однако долгое время эти просьбы оставались напрасными.

У меня была привычка – без ложной скромности скажу: похвальная – выжидать подходящего настроения и – еще более похвальная – не отступать от этого правила, не поддаваясь ничьим настояниям.

Наконец все же наступил давно желанный вечер, когда веселая улыбка, которую я встретил увещевания своих друзей, свидетельствовала о том, что сегодня я в ударе и не обману возлагаемых на меня надежд.

«Conticuere omnes, iutentique ora tenebant»⁷ или, говоря по-русски, все замолкло и стало слушать, не спуская с меня глаз в предвкушении рассказа. Расположившись на пышных подушках софы, я начал так:

– Во время последней осады Гибралтара я отплыл туда с флотом, который должен был снабжать провиантом эту крепость, а командовал им лорд Родней.

Я намеревался навестить одного старинного друга, генерала Эллиота, стяжавшего себе неувядаемые лавры защитой этой твердыни.

Когда первый пыл радости, всегда сопутствующей свиданию старинных друзей, немного остыл, я обошел в сопровождении генерала гибралтарскую крепость, чтобы познакомиться с состоянием гарнизона и с расположением неприятеля. Из Лондона мною был привезен превосходный зеркальный телескоп, который я купил у Доллонда. С его помощью я открыл, что осаждающие готовятся выпалить из 36-фунтового орудия как раз по тому месту, где мы стояли. Я сообщил о том генералу, он также посмотрел в телескоп и нашел мое предположение верным.

С его разрешения я распорядился немедленно притащить с ближайшей батареи 48-фунтовое орудие, которое и навел собственноручно – потому что в артиллерийском деле, могу сказать без хвастовства, никто еще не мог указывать мне – до такой степени верно, что никакой промах был просто невозможен.

Затем я стал пристально следить за неприятелем и уловил тот момент, когда вражеский солдат приложил зажженный фитиль к пушке; в ту же минуту я подал знак палить из нашего орудия.

Приблизительно на середине пути ядра столкнулись с ужасающей силой, и действие этого столкновения вышло поразительное.

Неприятельское ядро отскочило назад с такой стремительностью, что не только оторвало голову канониру, выпалившему из пушки, но обезглавило еще шестнадцать человек, попавшихся ему на пути при его полете на африканский берег.

Однако, прежде чем это ядро долетело до Бербера, оно расщепило грот-мачты трех кораблей, стоявших на одной линии в гавани, а потом пронеслось еще приблизительно на двести английских миль вглубь материка и, наконец, ударило в крышу крестьянской хижины, выбило старухе, спавшей на спине с разинутым ртом, немногие уцелевшие зубы и застряло в горле у несчастной женщины. Ее муж, пришедший вслед за тем домой, попробовал вытащить снаряд, но так как это ему не удалось, то он, недолго думая, загнал его молотком в желудок своей жены, откуда ядро вышло естественным путем.

Наш же снаряд оказал нам бесчисленные услуги: он не только отбил назад неприятельское ядро, но, согласно моему намерению, продолжая свой путь, сорвал с лафета пушку, только что выстрелившую по нам, и швырнул ее с такой силой в киль неприятельского корабля, что

⁷ Из Вергилия.

тотчас сделал в нем пробоину. Внутри корабля хлынула вода, и он пошел ко дну с тысячей испанских матросов и порядочным количеством солдат десантного отряда.

То был, конечно, необычайный подвиг. Однако я и не рассчитывал, что это поставят мне в заслугу. Конечно, моя изобретательность подтолкнула меня к этой выдумке, но случай в известной мере содействовал успеху.

Впоследствии я узнал, что наше 48-фунтовое орудие по оплошности было заряжено двойным количеством пороха, отсюда становится понятным неожиданное действие выстрела, с такую силою отразившего неприятельское ядро.

За мой выдающийся подвиг генерал Эллиот предложил мне должность офицера, но я отказался от нее, удовольствовавшись его благодарностью, изъявленной в самых лестных выражениях в тот же вечер за ужином, в присутствии всех членов нашего штаба.

Так как я очень расположен к англичанам, потому что они, бесспорно, одна из храбрейших наций, то счел своим долгом не покидать крепость, прежде чем мне удастся оказать им еще одну услугу. Удобный случай представился три недели спустя.

Я оделся в платье католического патера, осторожно вышел в час ночи из крепости и, благополучно минуя неприятельские линии, проник в центр вражьего стана. Я вошел в шатер, где граф д'Артуа с главнокомандующим и другими военачальниками обсуждали план штурма гибралтарской крепости, назначенный на следующее утро. Платье духовного лица послужило мне защитой. Никто не прогнал меня прочь, и я мог без помехи слышать и видеть все происходившее.

Наконец участники военного совета отправились спать, после чего весь лагерь, не исключая и часовых, погрузился в крепчайший сон.

Не теряя времени, принялся я за дело. Все неприятельские пушки, свыше трехсот штук, начиная с 48-фунтовых и кончая 24-фунтовыми, были сняты мною с лафетов и брошены в море на три мили от берега. Поскольку я справлялся с ними один, без всякой посторонней помощи, то это была самая трудная работа, какую мне случалось выполнять за всю свою жизнь, исключая, пожалуй, одну, о которой, как до меня дошли слухи, недавно нашел нужным рассказать вам в мое отсутствие один из моих знакомых. Это было тогда, когда я переплывал морской пролив, таща на спине чудовищную турецкую пушку, описанную бароном Тоттом...

Потопив орудия, я стащил все лафеты и тележки с зарядными ящиками на середину лагеря, а чтобы стук колес никого не потревожил, носил их попарно под мышками. Из этих приспособлений выросла целая гора не ниже Гибралтарской скалы. Обломком одного 48-фунтового орудия ударил я после того по кремню, торчавшему на двадцать футов из стены, возведенной еще арабами, высек огонь, зажег фитиль и подпалил им свой громадный костер.

Я забыл вам сказать, что предварительно побросал сверху все повозки с военными припасами.

Наиболее легко воспламенявшиеся предметы были весьма рассудительно положены мною вниз, благодаря чему вся нагроможденная моими руками гряда запылала в одно мгновение ярким пламенем.

Чтобы снять с себя всякие подозрения, я первый же и поднял тревогу. Весь лагерь, как вы можете себе представить, пришел в неопишное смятение. Осаждавшие кричали в один голос, что часовые были подкуплены и пропустиили к ним в лагерь из неприятельской крепости семь или восемь полков, которые произвели такое жестокое опустошение среди их артиллерии.

Мистер Дринкуотер в своем описании знаменитой осады Гибралтара упоминает о жестоком уроне, который понесли враги из-за пожара, вспыхнувшего в их лагере, но он далек от того, чтобы догадаться о настоящей причине происшедшего.

И тут нет ничего удивительного. Ведь до сих пор я не заикнулся о своем участии в этом деле ни единому человеку, не исключая даже генерала Эллиота (хотя трудами той ночи мне удалось одному спасти Гибралтар).

Граф д'Артуа в паническом страхе бежал отсюда со всеми своими приближенными, и бегство это продолжалось безостановочно около двух недель, пока беглецы не достигли наконец Парижа. Ужас, овладевший ими при виде моря пламени, вызвал у них такое сильное потрясение, что они целых три месяца не могли принимать никакой пищи и питались, подобно хамелеонам, одним воздухом.

* * *

Около двух месяцев спустя после того, как я оказал осажденным эту услугу, мы сидели однажды утром с генералом Эллиотом за завтраком, как вдруг в комнату влетела бомба и упала на стол (потопив пушки неприятеля, я не успел отправить вслед за ними его мортиры). Генерал немедленно оставил комнату, что сделал бы почти каждый на его месте. Я же схватил бомбу, прежде чем она успела разорваться, и отнес ее на вершину скалы.

Оттуда я заметил на прибрежном холме, недалеко от неприятельского лагеря, довольно многочисленную толпу, но не мог, однако, различить невооруженным глазом, что эти люди там затевают. Оставалось прибегнуть к помощи моего телескопа – я так и сделал.

Оказалось, что два наших военачальника – один генерал, другой полковник, которые проводили со мною время не далее как вчера вечером, а ночью в качестве шпионов пробрались в неприятельский лагерь, – попали в руки неприятеля, и этих несчастных собирались повесить.

Расстояние от меня до места казни было слишком велико, чтобы я мог швырнуть туда мою бомбу просто руками. К счастью, мне вспомнилось, что в моем кармане лежит та самая праща, которую Давид некогда употребил с таким успехом против Голиафа. Я вложил в нее свою бомбу и швырнул ее в самую середину скопища.

Ударившись о землю, бомба немедленно взорвалась и убила всех стоявших вокруг, исключая обоих английских военных, которые к тому моменту уже болтались на виселице: один из осколков бомбы ударил в подножие этого орудия казни и опрокинул его.

Едва оба наши приятеля почувствовали под собою terra firma⁸, как осмотрелись вокруг, отыскивая причину неожиданной катастрофы. Увидав, что стража, палач и все зрители поражены насмерть, осужденные освободили друг друга от уз, бросились бегом к морскому берегу, прыгнули в испанскую лодку и заставили сидевших в ней двоих матросов грести к нашему кораблю.

Несколько минут спустя, как раз когда я рассказывал обо всем случившемся генералу Эллиоту, беглецы благополучно прибыли в крепость, и после обоюдных объяснений и поздравлений мы как нельзя веселее отпраздновали их замечательное спасение.

* * *

По вашим глазам, господа, я вижу, что вам ужасно хочется узнать, каким образом попала мне в руки такая драгоценность, как упомянутая мною праща. Извольте! Дело было так.

Прежде всего, вы должны узнать, что род мой берет начало от жены Урии. Эта дама с течением времени потеряла свое влияние при иерусалимском дворе, главным образом из-за своей строптивости.

Однажды у нее вышел спор с царским любимцем о том, где был построен Ноев ковчег и где остановился он после потопа. Вышеозначенный сановник желал прослыть великим археологом, а Вирсавия, вдова полководца Урии, состояла председательницей одного исторического общества. Влиятельный царедворец, вдобавок ко всему, имел слабость, свойственную многим

⁸ Твердая земля (*лат.*).

высокопоставленным лицам и почти всем маленьким людям: он не мог выносить, когда ему противоречили. Вирсавия же была подвержена известному пороку своего пола: она хотела во всем быть правой. Немудрено, что между ними возгорелась настоящая война.

После того пребывания при иерусалимском дворе сделалось невозможным для этой красавицы. Она задумала бежать. В счастливые дни ей часто приходилось слышать о знаменитой праще как о великом сокровище, и молодая женщина решила захватить ее с собою, вероятно, на память. Но прежде чем она успела скрыться за пределами Палестины, пропажа пращи была обнаружена, и в погоню за беглянкой послали целых шесть человек из числа царских телохранителей.

Однако храбрая дама так ловко воспользовалась взятым ею орудием, что положила на месте одного из своих преследователей, который, пожалуй, хотел отличиться своею услужливостью и несколько опередил своих спутников. Увидав товарища распростертым на земле, телохранители после долгого и мудрого размышления решили заявить о происшедшем предержавшим властям, а графиня сочла за лучшее продолжать на подставных лошадях свое путешествие в Египет, где у нее были влиятельные друзья при дворе.

Прежде всего мне следовало упомянуть о том, что она взяла с собою в изгнание самого любимого сына. Последний, благодаря прославленному плодородию Египта, обрел там еще несколько братьев и сестер. На основании этого Вирсавия отказала ему особым параграфом в своем духовном завещании знаменитую пращу; от него же эта вещь перешла по прямой линии ко мне.

Мой прапрадед, который владел ею и жил приблизительно лет двести пятьдесят тому назад, путешествуя по Англии, познакомился с одним поэтом. Не будучи нисколько плагиатором, последний отличался неисправимой тягой к браконьерству; звали его Шекспиром. Этот поэт, в творениях которого, пожалуй, по праву возмездия, современные англичане и немцы занимаются браконьерством без зазрения совести, частенько занимал у моего отца историческую пращу и убивал ею столько дичи сэра Томаса Люси, что его чуть не постигла участь двоих моих друзей на Гибралтаре. Беднягу посадили в тюрьму, и мой прапрадед добился освобождения своего приятеля совершенно необыкновенным образом.

Королева Елизавета, правившая в то время Англией, под конец жизни, как вам известно, надоела сама себе. Одеваться, раздеваться, есть, пить, наконец, совершать множество прочих действий, которые нет надобности перечислять, – все это сделалось для нее так невыносимо, что самая жизнь обратилась в тяжкое бремя для несчастной королевы.

Мой предок дал ей возможность, по желанию, совершать все это самой или при помощи других. И как бы вы думали, что выпросил он себе в награду за такую услугу? Свободу Шекспира. Повелительница Англии так и не смогла заставить его принять от себя что-либо сверх этого. Добрейший человек до того полюбил поэта, что не задумался бы пожертвовать частью собственной жизни, если бы этим мог продлить жизнь своего друга.

Впрочем, могу вас уверить, господа, что пример королевы Елизаветы, предпочитавшей жить без пищи, не нашел подражания у ее подданных, по крайней мере тех, которых прозвали «едоками бифштексов»⁹. Да и сама она не выдержала добровольной диеты больше семи с половиной лет, после чего скончалась от истощения.

Мой отец, получивший в наследство знаменитую пращу, незадолго до моей поездки в Гибралтар рассказывал мне следующий анекдот, который часто слышали от него знакомые. В правдивости этой истории не усомнился никто из знавших почтенного старика.

«В одно из моих многочисленных путешествий, – так рассказывал он, – я пробыл довольно долгое время в Англии и однажды пошел прогуляться по морскому берегу, недалеко от Гарвича.

⁹ Так называют королевских гвардейцев.

Вдруг на меня со злобной яростью кинулся морской конь. Все мои средства обороны ограничивались одной пращей, с помощью которой я так ловко пустил ему в голову два кремня, что у него выскочили оба глаза.

После этого я прыгнул ему на спину и направил его в море, потому что вместе с глазами животное потеряло всю свою дикость и сделалось смиренным как овца. Я взнуздal его своей пращей и без всякого затруднения поехал на нем через море.

Менее чем через три часа мы добрались до противоположного берега, сделав, однако, за короткое время тридцать морских миль.

В Гельвецлуисе продал я своего коня за семьсот дукатов хозяину гостиницы “Три чаши”, который стал показывать это морское чудовище как редкость, и получал недурные барыши с любопытных посетителей; изображение этого диковинного зверя можно найти в “Естественной истории” Бюффона.

Как ни удивителен был способ моего путешествия, – продолжал мой отец, – но впечатления и открытия, сделанные во время этих странствий, были еще удивительнее.

Животное, на спине которого я сидел, не плыло, а бежало с невероятной быстротой по морскому дну, гоня перед собою миллионы рыб, из которых многие совершенно не походили на обыкновенные виды. У иных голова была посредине тела, у других – на конце хвоста. Некоторые сидели большим кругом и пели дивными голосами, составляя прекрасные хоры; другие строили прямо из воды великолепнейшие прозрачные здания, окруженные колоссальными колоннами, в которых струилась, переливаясь великолепными цветами, жидкая блестящая масса, похожая на яркое пламя. Различные, замысловато устроенные комнаты в этих зданиях имели все удобства для привилегированных видов рыб; тут были помещения для только что вылупившейся из икры нежной мелюзги и ряды обширных зал для воспитания молодых рыб. Внешняя сторона педагогической методы, применявшейся здесь, – потому что внутренний смысл ее был мне понятен, конечно, так же мало, как пение птиц или беседы кузнечиков, – имела поразительное сходство с тем, что я видел на старости лет в наших так называемых филантропических заведениях. Теперь я уверен, что один из основателей современной воспитательной системы совершил путешествие, подобное моему, и почерпнул свои идеи больше из воды, чем из воздуха.

Вдобавок из немногoго, сказанного мной, вы можете заключить, что на свете существует еще обширное поле для наблюдения и использования. Однако продолжаю свой рассказ.

Во время моего подводного путешествия я, между прочим, наткнулся на громадную цепь гор, никак не ниже наших Альп. Множество высоких деревьев разного рода поднималось прямо со скал. На этих деревьях росли омары, крабы, устрицы, в том числе и зубчатые, раковины, морские улитки и т. п., причем некоторые из них могли занять целую ломовую телегу, а самую мелкую из этих раковин с трудом тащил бы дюжий носильщик. Все, подобное этому, что выбрасывается на морской берег и продается на наших рынках, не более чем жалкая дрянь, отрываемаемая водой от веток подводных деревьев вроде мелких негодных плодов, обиваемых ветром. Омаровые деревья были самыми развесистыми, а крабовые и устричные – самыми высокими. Маленькие морские улитки растут на подобии кустарников, стоящих непременно у подножия устричных деревьев и вьющихся по ним почти так, как плющ вьется вокруг дуба.

Кстати, я имел возможность наблюдать одно весьма любопытное явление.

На морском дне лежал потонувший корабль. Очевидно, он наткнулся на подводную скалу, возвышавшуюся на глубине не более трех сажен, и опрокинулся при падении. Опущаясь, судно задело высокое омаровое дерево и столкнуло с него несколько омаров, которые упали на крабье дерево, росшее у подножия первого. Вероятно, это кораблекрушение произошло весной, омары были еще совсем молодыми, они соединились с крабами и дали новый плод, напомнивший оба вида.

Я пытался захватить с собою один экземпляр этого небывалого существа, однако моя находка отчасти отяготила бы меня, и к тому же мой Пегас не хотел стоять смирно.

Кроме того, я находился уже на полпути, в глубокой долине, по крайней мере на пятьсот сажен ниже уровня моря, где недостаток воздуха давал себя знать все сильнее.

Да и в других отношениях мое положение было не из приятных. Время от времени я встречал громадных рыб, которые, судя по их разинутым пастьям, были не прочь проглотить и коня, и всадника. Мой бедный Россинант был слеп, и от моего мудрого руководства зависело, спасемся ли мы от враждебных посягательств голодных чудовищ. По этой причине я прищипывал коня, стараясь как можно скорее выбраться на сушу.

Когда я очутился невдалеке от голландского берега, где толща воды над моей головой не превышала двадцати сажен, мне почудилось, что на песке, устилавшем морское дно, лежит человеческая фигура в женском платье. Это существо как будто подавало еще признаки жизни; подъехав ближе, я убедился, что жертва морской пучины действительно шевелит рукой. Я поспешил схватить ее за руку да и вытащил с собою на берег утопленницу, более напоминавшую бездыханный труп.

Хотя в то время искусство воскрешать мертвых было еще не так развито, как в наши дни, когда в каждом деревенском шинке имеется печатное указание, какими методами следует возвращать утонувших из царства теней, однако местному аптекарю посредством неутомимых стараний и медицинских навыков удалось раздуть крохотную искру жизни, которая еще теплилась в теле несчастной женщины.

Она была дражайшей половиной одного моряка, командовавшего судном из Гельвецлуиса, недавно вышедшим из гавани. На беду, капитан второпях вместо своей жены захватил с собою в дорогу другую женщину. Жене тотчас стало это известно через одну из бдительных богинь, покровительниц домашнего очага и супружеского согласия. А поскольку жена капитана была твердо уверена, что права супружеского ложа так же действительны на воде, как и на суше, то, пылая ревностью, бросилась в погоню за мужем на лодке.

Едва мстительная женщина очутилась на палубе мужнина корабля, как после краткого, непереводаемого вступления она вздумала так энергично подкрепить свою обличительную речь соответствующими убедительными действиями, что ее супруг счел за лучшее попятиться.

Печальным следствием отступления капитана было то, что костлявая десница, готовившаяся нанести удар в ланиту мужа, ударила по морским волнам, а так как они оказались еще податливее виновного супруга, то капитанша лишь на морском дне нашла сопротивление, которого искала.

И вот моя несчастная звезда свела нас вместе, и при моем непосредственном участии на свете сделалось одной счастливой четой больше.

Могу себе представить, какие благословения послал мне любящий супруг, когда, возвратившись после плавания, нашел у себя дома свою нежную подругу, поджидавшую его. Но хоть я и сыграл с беднягой плохую шутку, однако мой поступок все же не был предосудительным. Мною руководило чистое, безупречное человеколюбие, как бы ни были печальны его последствия для голландского капитана, чего я не могу отрицать».

Этими словами, господа, отец заключил свой рассказ, о котором я вспомнил, наткнувшись на знаменитую пращу. Последняя, пробыв столько времени во владении моего рода и оказав ему так много важных услуг, по-видимому, нашла свой конец в пасти морского коня. По крайней мере, я воспользовался ею в тот единственный раз, когда швырнул с помощью этого орудия не успевшую разорваться бомбу обратно в ряды испанцев, через что мне удалось спасти от виселицы двоих моих друзей.

При этом благородном употреблении праща, уже успевшая немного истрепаться, лопнула окончательно. Большая часть ее отлетела вместе с бомбою прочь, оставшийся же у меня в

руке маленький обрывок лежит теперь в нашем семейном архиве, где сохраняется на вечные времена с другими важными древностями.

Вскоре после того я покинул Гибралтар и вернулся в Англию. Здесь со мною произошел один из самых удивительных случаев моей жизни.

Мне пришлось прогуляться в Уэпинг, чтобы присутствовать при погрузке различных предметов, которые я отправлял в Гамбург в подарок приятелям. Покончив с этим, я пустился в обратный путь по набережной Тауэр.

Был полдень, меня томила жестокая усталость, а солнце жгло до того невыносимо, что я залез в жерло одной из стоявших там пушек, чтоб отдохнуть немного. В этом укромном местечке было так прохладно, что, забившись туда, я погрузился в крепчайший сон.

А происходило это как раз четвертого июня¹⁰, и в час дня из всех пушек произвели залп в честь этого знаменательного события. Орудия были заряжены с утра, и так как никто не мог предполагать моего присутствия в жерле одного из них, то я и был переброшен выстрелом через крыши домов на противоположный берег реки, во двор одного фермера между Бермондсеем и Дептфордом.

Там я упал на большой стог сена и, будучи сильно оглушен, остался лежать на нем, так и не проснувшись.

Месяца три спустя сено до того вздоржало, что фермер решил получить большой барыш от продажи своих запасов.

Сток, на котором я лежал, был самым громадным во дворе и весил не менее пятисот пудов. Поэтому с него-то и начали нагрузку возов.

Громкий говор людей, приставивших к стогу лестницы, чтобы на него подняться, разбудил меня. Спросонок, не понимая хорошенько, что происходит, я вздумал убежать и свалился вниз, прямо на владельца сена. Самому мне это падение не причинило ни малейшего вреда, зато пострадал фермер: он был убит наповал, потому что я совершенно нечаянно сломал ему шею.

К моему великому успокоению, я узнал потом, что этот малый медлил продавать свою сельскохозяйственную продукцию, выжидая наступления страшной дороговизны, чтобы нажить тогда громадную прибыль. Таким образом, насильственная смерть была справедливой карой для него, а для соседних крестьян – истинным благодеянием.

Но как же удивился я, когда, вполне придя в себя, после долгого размышления вернулся к тем мыслям, с которыми уснул три месяца тому назад! А как велико было изумление моих лондонских приятелей, когда после многих напрасных поисков они снова увидели меня в своем кругу – все это вы легко можете представить себе, милостивые государи.

Теперь же, господа, выпьем по стаканчику, а потом я расскажу вам еще несколько историй о моих приключениях на море.

¹⁰ День рождения тогдашнего короля Англии Георга III (родился 4 июня 1738 года).

Приключение девятое

Конечно, вы слышали о последнем путешествии капитана Фиппса – в настоящее время лорда Мельгрева, – который отправился в полярные страны в исследовательских целях. Я сопровождал его в этой экспедиции – не в качестве офицера, а в качестве друга. Когда мы достигли довольно высокого градуса северной широты, я взял свой телескоп, с которым познакомил вас еще при описании моей поездки на Гибралтар, и стал рассматривать окружающие предметы, потому что, между прочим, считаю полезным время от времени оглядываться вокруг, в особенности путешествуя.

Приблизительно в полумиле от нас плыла ледяная гора; она была несравненно выше мачт нашего судна, и на ней я увидел двух белых медведей, которые, по-видимому, затеяли ожесточенную драку.

Я тотчас взял ружье, спустился на лед и направился к ледяной горе, а когда вскарабкался на ее вершину, то нашел, что путь по ней чрезвычайно труден и опасен. Часто приходилось мне перепрыгивать через ужасные пропасти, в других же местах поверхность льда была гладкой, как зеркало; я только и делал, что падал, поскользнувшись, и вставал, чтобы снова растянуться через несколько шагов. Наконец мне удалось добраться до медведей, и тут я убедился, что они вовсе не дерутся, но играют меж собою.

Я уже мысленно оценивал их шкуры – а каждый медведь был величиною с откормленного быка, – как вдруг в ту самую минуту, когда я хотел прицелиться, правая моя нога скользнула по льду, я упал навзничь и, ударившись, потерял сознание, должно быть, на полчаса. Представьте же себе мое изумление, когда, очнувшись, я сообразил, что одно из упомянутых мною чудовищ перевернуло меня на бок и ухватило зубами застежку моих новых кожаных брюк. Моя голова и верхняя часть туловища оказались под брюхом медведя, а ноги торчали перед его мордой. Бог весть, куда утащил бы меня страшный зверь, но я вынул свой карманный нож – вот этот самый, который и сейчас со мною, – ухватил медведя за левую заднюю лапу и отрезал ему три пальца. Он тотчас выпустил меня и заревел во всю мочь. Я взял ружье, висевшее у меня на перевязи, и выстрелил вдогонку убегающему зверю, который тотчас свалился как подкошенный. Но если мой выстрел уложил наповал одного из этих кровожадных животных, то он разбудил несколько тысяч других, которые спали на льду, образуя круг шириною в полмили.

Все они кинулись ко мне.

Времени терять было нельзя, и моя гибель была бы неизбежна, если б меня не осенила внезапно спасительная мысль. К счастью, обычная моя находчивость пришла мне на выручку и на этот раз. Ловкий охотник не так скоро снимет шкуру с убитого зайца, как сделал это я с убитым мною медведем, после чего завернулся в пушистый мех и прикрыл свою голову его головой. Едва успел я совершить этот маскарад, как множество медведей собралось вокруг меня. Признаюсь, что меня поминутно бросало то в жар, то в холод под теплой медвежьей шубой. Между тем моя хитрость удалась вполне. Медведи поочередно подходили и обнюхивали меня, по-видимому, принимая за одного из своих собратьев. Действительно, я сильно смахивал на полярного медведя. При более почтенном телосложении это сходство было бы еще полнее, но и среди медведей было несколько молодых, не крупнее вашего покорного слуги. Когда они хорошенько обнюхали нас – меня и труп моей жертвы, мы быстро подружились; я превосходно подражал их жестам и телодвижениям, только должен признаться, что ворчанье, рев и вой медведей были громче моих. Но, прикидываясь медведем, я ведь не переставал быть человеком. В голове у меня происходила напряженная работа: я старательно изыскивал средство, которое помогло бы мне обратить в свою пользу доверчивость полярных великанов.

В былое время я слышал от одного старого военного хирурга, что рана, нанесенная в спинной хребет, приводит к моментальной смерти. И теперь мне пришлось в голову произвести

подобный опыт. Снова вооружившись своим ножом, я ловко вонзил его в загривок самому громадному медведю на уровне ключицы. Это было ужасно рискованным делом, и меня охватил страх. Стоило мне промахнуться, и я тут же был бы растерзан на клочки, в этом не могло быть ни малейшего сомнения. Однако мой опыт удался: медведь рухнул к моим ногам, даже не рыкнув. Тут я вознамерился покончить таким же образом со всеми остальными чудовищами, что не представляло для меня никакого затруднения. Видя, как их собратья падают справа и слева, звери нисколько не тревожились. Они не думали ни о причине, ни о следствии этих внезапных падений, что было счастьем как для них, так и для меня. При виде лежащих передо мною туш я сравнил себя с Самсоном, поразившим без всякой посторонней помощи целые полчища врагов.

Не теряя напрасно времени, я вернулся обратно на корабль и попросил отправить мне на подмогу три четверти экипажа, чтобы содрать шкуры с убитых животных и отнести их окорока на борт судна. Через несколько часов эта работа была выполнена, и мы загромоздили весь трюм моей добычей. Остальное было побросано в море, хотя я не сомневаюсь, что, если бы и другие части медвежьих туш хорошенько посолить, они были бы так же вкусны, как и сочные медвежьи окорока.

По возвращении в Европу я отправил от имени капитана несколько окороков лордам адмиралтейства, а также лордам казначейства; еще несколько штук послал лорду-мэру и в городской совет Лондона, а также торговым обществам, остальные раздарил своим друзьям. Со всех сторон мне изъявляли самую горячую благодарность, а лондонское Сити ответило на мой подарок весьма лестным образом: я получил приглашение ежегодно обедать в ратуше в день выборов лорда-мэра.

Медвежьи шкуры я отослал императрице одного северного государства на шубы для Ее Величества и высших чинов двора. Она отблагодарила меня собственноручно составленным письмом, которое было доставлено мне чрезвычайным посланником. Будучи вдовой, упомянутая августейшая особа в этом письме предлагала мне великую честь разделить с ней трон. Но так как сан венценосца никогда не соблазнял меня, то я в деликатнейших выражениях отклонил высокую милость. Посланник, вручивший мне письмо императрицы, получил приказ обождать моего ответа, чтобы лично доставить его своей государыне. Второе письмо, вскоре полученное мною от нее, свидетельствовало о силе страсти вдовствующей монархини и о благородстве ее духа. Неизлечимая болезнь в скором времени постигла эту женщину с нежной душой, и случилось это единственно по причине моей жестокости, о чем я узнал из разговора с ее приближенным, князем Д¹¹. Право, не знаю, что такое находят во мне дамы, но умершая императрица была не единственной представительницей женского пола, предлагавшей мне корону.

Недобросовестные люди распустили слухи, будто бы капитан Фиппс во время своего путешествия дошел на корабле не так далеко, как мог бы это сделать. Но мой долг защитить в данном случае его доброе имя. Наше судно шло верным путем, когда я нагрузил его таким громадным количеством медвежьих шкур и окороков. Так что было бы безумием со стороны Фиппса после того продвигаться дальше на север, ведь мы едва могли плыть на парусах даже против мало-мальски свежего ветра, не говоря уже о громадных ледяных горах, преграждавших путь в широтах ближе к полюсу.

Впоследствии капитан нередко признавался, как ему досадно, что он не разделяет со мной славу достопамятного дня, восторженно названного им «днем медвежьих шкур». Мой добрый приятель немало завидует высокой чести, которой я удостоился благодаря этой победе, и всячески старается умалить мои заслуги. Мы уже не раз поссорились с ним из-за этого и до сих пор состоим в несколько натянутых отношениях. Между прочим, он утверждает, будто

¹¹ Имеется в виду князь В. М. Долгорукий.

бы я не имею права хвалиться тем, что обманул медведей, нарядившись в медвежью шкуру. Капитан Фипс уверен, что если бы он пошел к этим зверям без всякого переодевания, то и тогда они приняли бы его за настоящего медведя.

Конечно, это слишком щекотливый момент, чтобы человек, умеющий ценить благовоспитанность, стал спорить с кем бы то ни было по этому поводу, а менее всего – с благородным пэром.

Приключение десятое

Еще одно морское путешествие совершил я с капитаном Гамильтоном. Мы отправились с ним из Англии в Ост-Индию. Со мной была легавая собака – в полном смысле слова бесценное животное, потому что она никогда не подводила меня. Однажды, когда по самым точным расчетам, какие только были нам доступны, наше судно находилось по крайней мере в трехстах милях от земли, моя собака вдруг начала беспокоиться. Я с удивлением наблюдал за нею целый час, после чего стал уверять капитана и всех судовых офицеров, что суша должна быть близко, так как мой лягаш чует дичь. Это вызвало общий хохот, который, однако, нисколько не поколебал моего доверия к славному псу.

После долгих препирательств я с непоколебимой твердостью высказал наконец капитану, что более верю чутью моего Трея, чем глазам всех моряков на корабле, и тут же смело предложил ему побиться со мною об заклад на сто гиней – сумма, которую я ассигновал на это путешествие, – что не пройдет и получаса, как мы наткнемся на дичь.

Капитан, добрейший человек, опять расхохотался и попросил мистера Крауфорда, нашего корабельного врача, пощупать мне пульс. Тот исполнил его желание, однако тотчас объявил, что я совсем здоров. Тут между ним и капитаном Гамильтоном завязалась негромкая беседа, большую часть сказанного я отлично расслышал.

– Он чуточку не в своем уме, – пробормотал капитан. – По чести, я не могу заключить такое пари.

– Я совершенно противоположного мнения, – возразил врач. – Приятель ваш здоровехонек, только он полагается больше на чутье своей собаки, чем на здравый смысл любого члена экипажа. Он в любом случае проиграет, но так ему и надо.

– Держать подобное пари, – продолжал между тем капитан, – не вполне честно с моей стороны. Однако тем более будет достойным поступком, если я возвращу барону выигранные у него деньги.

Во время этого разговора Трей продолжал делать стойку и еще более укрепил меня в моем мнении.

Едва мы с капитаном успели ударить по рукам, как несколько матросов, которые занимались рыбной ловлей в шлюпке, привязанной к корабельной корме, убили гарпунами огромную акулу и немедленно втащили свою добычу на борт. Когда команда принялась потрошить рыбу, в ее внутренностях оказалось не менее шести пар еще живых куропаток.

Несчастные птицы так долго пробыли в своем заточении, что одна из самок сидела уже на пяти яйцах, и в тот момент, когда акуле распластали брюхо, из одного яйца как раз вылупился первый цыпленок.

Этот выводок куропаток мы вырастили вместе с котятками, появившимися на свет за несколько минут перед тем. Старая кошка полюбила маленьких птичек не менее своих четвероногих чад и страшно сердилась, когда наседка улетала слишком далеко и медлила возвращаться. Среди остальных куропаток оказалось четыре самки; они сидели на яйцах то в одиночку, то по нескольку штук за раз, так что в продолжение всего нашего путешествия за столом капитана постоянно имелась в избытке свежая дичь. Бедняге Трею в виде награды за сто гиней, выигранных мною благодаря его тонкому чутью, я приказал ежедневно отдавать косточки куропаток с наших тарелок, а порой угощал его и целой птицей.

Приключение одиннадцатое

Я уже рассказывал вам однажды, господа, о небольшом путешествии на Луну, которое совершил, чтобы найти там свой серебряный топорик. Впоследствии я попал еще раз на наше ночное светило, но уже несравненно более приятным способом, и оставался там достаточно долго для того, чтобы основательно изучить множество невиданных явлений, которые и опишу вам настолько точно, насколько позволяет мне память.

* * *

Один мой дальний родственник вбил себе в голову, что где-нибудь непременно существуют люди-исполины, равные по росту тем, кого будто бы нашел Гулливер в царстве Бробдинггег. Старый оригинал не жалел ничего, лишь бы отыскать этот диковинный народ, и предпринял далекое путешествие с целью научных исследований, причем предложил мне отправиться вместе с ним.

Что же касается меня, то я считал упомянутый рассказ Гулливера не более чем занимательной сказкой и так же мало верил в существование страны Бробдинггег, как и в существование Эльдорадо. Между тем мой родственник назначил меня своим единственным наследником, после чего я счел своим долгом исполнить его желание.

Мы отправились в путь и благополучно достигли Тихого океана, без всяких особых приключений, которые стоило бы отметить, кроме разве что встречи с летающими женщинами и мужчинами, исполнявшими в воздухе дивный менуэт или виртуозно кувыржавшимися, как самые искусные акробаты. Но подобные мелочи, конечно, не заслуживают вашего внимания.

На восемнадцатый день, после того как мы миновали остров Отахейти, жестокий ураган подхватил наш корабль, поднял его по крайней мере на тысячу миль над поверхностью моря и продержал довольно долгое время на этой высоте. Наконец свежий ветер надул наши паруса, и мы с невероятной скоростью помчались дальше.

Шесть недель носилось наше судно над облаками, как вдруг мы увидели остров, круглый и лучезарный. Мы вошли в удобную гавань, высадились на берег и увидели, что этот неведомый край населен. Перед нашим взором расстилалась новая земля с городами, деревьями и горами. Там текли реки, синели озера, и мы уже вообразили, что каким-то чудом вернулись в покинутый нами подлунный мир.

Однако наше заблуждение вскоре рассеялось. Сверкающий остров, на который мы высадились, оказался Луною. Здесь мы увидели громадные человеческие фигуры, носившиеся верхом на дивных треглавых орлах.

Чтобы дать вам некоторое представление о размерах этих удивительных птиц, я должен сказать, что расстояние между концами их крыльев было вшестеро больше самого длинного каната на нашем корабле. Вместо того чтобы ездить верхом на лошадях по примеру жителей Земли, обитатели Луны летали на этих исполинских птицах. Их царь как раз в то время затеял войну с Солнцем. Он предложил мне должность офицера в своей армии, однако я вежливо уклонился от этой чести.

На Луне, господа, все необычайно велико, даже обыкновенная муха. Например, в качестве оружия обитатели этой планеты используют редьку, которую они употребляют во время боевых действий как метательное копьё, и каждый раненный ею моментально умирает. Щиты они делают из гигантских грибов, а когда сезон редьки проходит, редьку заменяет таких же размеров спаржа.

Здесь я встретил, между прочим, несколько уроженцев Сириуса, которые прибыли на Луну по торговым делам.

Лица у них похожи на морды громадных бульдогов. Глаза помещаются по обеим сторонам кончика носа, или, скорее, над ноздрями. Веки у этих существ отсутствуют. Когда они хотят спать, то закрывают свои глаза языком.

Обыкновенно их рост равняется двадцати футам, тогда как среди обитателей Луны я не встретил ни одного ниже тридцати шести футов.

Называют последних несколько странно, не людьми, но «пищеварами», потому что, подобно нам, они готовят еду на огне. Сам процесс поглощения пищи занимает у них очень мало времени: эти странные существа открывают у себя в левом боку особый клапан и всовывают сразу всю приготовленную порцию еды в желудок, после чего снова закрывают отверстие, причем на целый месяц, до следующего приема пищи.

Таким образом, на весь год у них полагается всего двенадцать обедов – прекрасный обычай, который должен понравиться всякому, кто не подвержен страсти обжорства и пьянства.

Радости любви, милостивые государи, на Луне совершенно неизвестны, здесь как пищевары, так и животные не разделяются по половому признаку. Все произрастает на деревьях, которые весьма разнообразны, в зависимости от того, что на них растет.

Те, на которых растут пищевары, или, попросту говоря, люди, несравненно красивее прочих деревьев, у них громадные пряные ветви, а листья мясного цвета; их плоды напоминают орехи, которые снабжены чрезвычайно твердой скорлупой и достигают по крайней мере шести футов в длину. Когда эти орехи созревают, что видно по изменившемуся цвету наружной оболочки, их с большой осторожностью срывают с дерева и берегут до поры до времени.

Если возникает необходимость добыть зерно этого ореха, то его кладут в громадный котел с кипящей водой. После нескольких часов кипячения скорлупа лопается и оттуда выскакивает человеческое существо.

Духовная сторона обитателей Луны создается природой прежде, чем они появляются на свет, они заранее получают определенное назначение. Из одной скорлупы выходит воин, из другой – философ, из третьей – естествоиспытатель, из четвертой – юрист, из пятой – фермер, из шестой – крестьянин и т. д., причем каждый немедленно начинает совершенствоваться в том, что ему было знакомо лишь в теории.

Судить по наружному виду скорлупы о ее содержимом крайне трудно, однако во время моего пребывания на Луне один чудак-ученый наделал много шума, уверяя, будто бы он владеет этой тайной. Впрочем, его словам мало кто верил, он слыл там слабоумным.

Когда обитатели Луны стареют, они не умирают, а просто растворяются в воздухе и затем рассеиваются, как легкий дым.

В питье они не нуждаются, потому что их организм ничего не выделяет, кроме как при выдохе. У них всего по одному пальцу на каждой руке, но этим единственным пальцем они действуют, поверьте мне, не хуже, а может, и лучше, чем мы нашими пятью.

Свою голову эти существа носят под мышкой и когда отправляются в дорогу или, к примеру, идут на работу, требующую большой подвижности, то обыкновенно оставляют ее дома, так как могут спрашивать у нее совета независимо от расстояния.

Знатные люди из числа жителей Луны не имеют надобности утруждать себя, если им вздумается вдруг разведать, что происходит среди простого народа. Они преспокойно остаются в своих дворцах, точнее говоря, их тело остается там, на разведку же они высылают только голову, которая может присутствовать инкогнито в любом месте, а потом, по воле своего владельца, возвратиться к нему с собранными сведениями.

Виноградные косточки на Луне весьма похожи на наш град, и я твердо убежден, что когда на этой планете поднимается буря и ветер срывает виноград с лозы, то именно эти косточки падают на землю в виде града.

У меня есть сильное подозрение, что некоторые наши торговцы давно подметили это, по крайней мере, мне зачастую попадается вино, которое как будто сделано из градин; во всяком случае вкус у него точно такой же, как и у приготовленного на Луне.

Прошу меня великодушно простить, господа, но я чуть было не пропустил еще одну любопытную подробность.

Дело в том, что живот служит обитателям Луны совершенно так же, как нам чемодан. Они укладывают в него все нужные им вещи, его при желании можно наглухо запереть, а вынуть оттуда что-либо очень легко, потому что эти счастливицы не отягощены ни кишками, ни сердцем, ни печенью, ни прочими внутренними органами, собственно говоря, как и одеждой, совершенно излишней для тех, кому нечего прикрывать на своем теле из чувства стыдливости.

Свои глаза эти, с позволения сказать, люди могут по желанию вынимать и вставлять снова, и видят они ими при этом одинаково хорошо – сидят ли они в глазных орбитах или зажаты в руке. Если один глаз у них случайно затеряется или повредится, то они могут занять или купить себе другой, чтобы пользоваться им одинаково успешно, как и своим собственным.

По этой причине на Луне очень развита торговля глазами, и лишь на этот предмет там существует мода. По прихоти последней возникает спрос то на зеленые, то на желтые глаза.

Сознаюсь, что все это звучит очень странно. Но у кого возникнет малейшее сомнение в правдивости моих слов, тому предлагаю самому отправиться на Луну, чтобы убедиться на собственном опыте, насколько строго я придерживаюсь истины, не следуя дурному примеру пустых краснобаев.

Путешествие двенадцатое – сквозь землю – и прочие достопримечательные приключения

Судя по блеску ваших глаз, скорее я устану рассказывать вам о необычайных происшествиях в моей жизни, чем вы устанете слушать о них. Ваше внимание слишком лестно для меня, чтобы я мог завершить сегодняшние рассказы описанием моего путешествия на Луну, как был намерен сделать ранее. Прислушайте же, если вам будет угодно, еще одну историю. Подлинность ее, как и всего, рассказанного мною, несомненна, а некоторые поразительные эпизоды, пожалуй, будут еще занимательнее слышанного вами раньше.

Читая «Путешествие Брайдона на остров Сицилию», я пришел в такой восторг, что почувствовал сильнейшую охоту побывать на знаменитой горе Этне. По дороге туда мне не встретилось ничего достопримечательного. Я говорю «мне», так как считаю мелочами повседневной жизни множество вещей, о которых другой путешественник по возвращении домой стал бы расписывать доверчивой публике во всех мельчайших подробностях, стремясь покрыть свои путевые издержки за счет чужих карманов. По-моему же, совершенно неуместно испытывать терпение порядочных людей, заставляя их выслушивать нестоящие пустяки.

По прибытии на Сицилию я добрался до знаменитого вулкана и переночевал у его подножия в хижине горного пастуха, а на другое утро как можно раньше отправился на гору пешком с твердым намерением, пусть и ценою собственной жизни, исследовать внутреннее устройство этой исполинской жаровни. После трудного трехчасового подъема я очутился на вершине Этны. В то время она как раз бушевала, что продолжалось уже три недели. Ее вид снаружи при данных условиях описывался уже так часто, что если он поддается описанию, то я слишком опоздал, а если нет – что я могу подтвердить исходя из собственного опыта, – то с моей стороны будет гораздо благоразумнее не терять времени на бесплодную попытку и не портить вам хорошего настроения.

Я трижды обошел кратер, который вы можете представить себе в виде чудовищной воронки, и когда убедился, что таким образом ничего не рассмотреть, то, недолго думая, решил прыгнуть в самое жерло Этны. Сделав это, я тотчас оказался словно в отчаянно жаркой паровой бане, а мое несчастное тело жестоко пострадало во многих местах, благородных и неблагородных, от прикосновения раскаленных углей, беспрестанно летевших снизу.

Но как ни была велика сила, с которой угли подбрасывались кверху, однако тяжесть моей брэнной оболочки значительно превзошла ее, и в скором времени я благополучно достиг самого дна огнедышащей горы. Первое, что поразило меня там, были отвратительный стук, гам, крик и брань, доносившиеся со всех сторон. Я открыл глаза и – о чудо! – увидел себя в обществе бога Вулкана и его Циклопов. Эти господа, которым, здраво рассуждая, давно отдано место среди мифических героев, уже целых три недели спорили между собою о порядке и субординации, из-за чего на поверхности Земли и происходила эта передряга. При моем появлении, словно по волшебству, в их компании сразу воцарились мир и согласие.

Вулкан тотчас заковылял к шкафчику с лекарствами и, вынув оттуда пластырь вместе с какими-то мазями, собственноручно приложил их к обожженным местам на моем теле. Через несколько минут мои раны зажили и я почувствовал себя прекрасно. В то же время гостеприимный хозяин предложил мне угощение: бутылку нектара и редчайшие вина, какие пьют только боги и богини. Едва я немного пришел в себя, как Вулкан представил меня своей супруге Венере и приказал ей создать мне все удобства, каких требовало мое состояние. Красота комнаты, куда она меня привела, мягкость софы, на которую она меня усадила, божественное очарование всего ее существа, нежность доброго сердца были решительно выше всяких похвал, и при одной мысли о них у меня голова шла кругом.

Вулкан дал мне точное описание горы Этны. Он сказал, что она представляет собою не что иное, как груды пепла, выброшенную из его печи, что он часто бывает вынужден наказывать своих подчиненных и тогда в припадке гнева швыряет в них раскаленные угли, которые они с большим мастерством отбивают наверх, во внешний мир, вместо того чтобы вынести их своими руками.

– Наши разногласия, – продолжал он, – длятся иногда долгие месяцы, а явление, которое они вызывают во внешнем мире, как мне стало известно, смертные люди назвали извержением. Гора Везувий точно так же является моей мастерской, и туда ведет только одна дорога протяженностью в триста пятьдесят миль, которая проходит под морем. Подобные разногласия и там так же порождают извержения.

Я задержался в преисподней на несколько дней и не уставал наблюдать картины чудесной жизни Вулкана и его подчиненных.

Несмотря на невыносимую жару, которая господствовала внизу, я начал постепенно чувствовать себя здесь как дома, тем более что Вулкан обращался со мной хорошо и угощал меня, чем только можно было пожелать. Но как раз оказываемое мне особое внимание породило врагов и завистников, которые своей лживой клеветой очернили меня перед Вулканом, что, к большому моему сожалению, выглядело весьма правдоподобно.

Не выказав своего недовольства и не дав мне оправдаться, взял он утром меня на руки, принес в комнату, где я раньше никогда не бывал, поставил, как мне показалось, у одного глубокого колодца и сказал:

– Неблагодарный смертный, возвращайся в мир, из которого ты пришел!

С этими словами бросил он меня в колодец, в бездну.

Я падал и падал со все увеличивающейся скоростью, пока страх не сковал мою душу и мое сознание.

Но вдруг я вышел из оцепенения, так как оказался посреди огромного моря, которое было освещено лучами солнца.

Еще с ранней юности я много плавал и был опытным, тренированным пловцом. Поэтому я и здесь почувствовал вскоре себя как дома, и, в сравнении с тем ужасным положением, в каком я только что находился, мое настоящее мне показалось раем. Я огляделся, но ничего не увидел, кроме воды. Окружающая меня среда резко отличалась от неприятной атмосферы кратера господина Вулкана. Вдруг я заметил что-то на горизонте, что выглядело как удивительно большая скала, и со всей скоростью поплыл к ней. Оказалось, что это был плавающий айсберг. Я смог до него добраться и после долгих поисков нашел-таки место, где мне удалось вскарабкаться на его вершину.

Однако, к моему великому отчаянию, даже оттуда я не увидел землю. Наконец, уже перед наступлением темноты, я увидел корабль, который проплывал мимо. Вскоре я был достаточно близко к нему и закричал изо всех сил, чтобы привлечь к себе внимание. Мне ответили по-голландски. Я спрыгнул в море, подплыл к судну и был поднят на борт. Моим первым вопросом было:

– Где мы находимся?

И я услышал в ответ:

– В Тихом океане.

И тогда все прояснилось. Теперь не могло быть сомнения, что из кратера Этны я провалился через центр Земли в Тихий океан – путь, во всяком случае, короче, чем вокруг земного шара. Кроме меня еще никто не пробовал совершить его, а если мне удастся повторить свой опыт, то я, конечно, буду вести более тщательные наблюдения.

Я попросил чего-нибудь поесть для поддержания сил, а после ужина улегся спать. Какой, однако, грубый народ эти голландцы! Услыхав рассказ о моих приключениях, такой же бесхитростный и простой, господа, как и слышанный вами, некоторые из корабельных офицеров,

в особенности капитан, сделали вид, будто бы они сомневаются в его правдоподобию. Между тем эти люди дружески приняли меня на свое судно, мне приходилось пользоваться их милостями, и потому я счел за лучшее погасить чувство обиды.

Меня более всего интересовало, куда держит путь этот корабль. Голландцы отвечали, что отправились путешествовать ради новых открытий и если мой рассказ не вымышлен, то их желание уже осуществилось. Мы плыли как раз по следам капитана Кука и на следующее утро прибыли в Ботани-Бей – чудное место, куда английскому правительству, право, следовало бы посылать не мошенников отбывать наказание, но заслуженных людей в виде награды, до такой степени щедро осыпала этот край природа своими лучшими дарами.

Здесь мы пробыли всего три дня, на четвертый, уже после нашего отплытия, поднялась страшная буря, которая в несколько часов изорвала все наши паруса, расщепила бушприт и повалила большую брам-стенгу. Последняя упала на ящик с компасом и разбила вдребезги драгоценнейший прибор. Каждый, побывавший на море, понимает, что значит подобная потеря и какие печальные последствия влечет она за собой. Вполне естественно, что мы сбились с курса. Наконец буря утихла, подул постоянный благоприятный ветер. Мы плыли целых три месяца и, несомненно, преодолели огромное расстояние, когда однажды вдруг заметили, что вокруг происходят удивительные перемены. Нам стало как-то особенно легко и весело, наше обоняние нежили приятнейшие бальзамические запахи; море также изменило свой цвет, превратившись из зеленого в белое.

Вскоре после этой чудесной метаморфозы мы увидели твердую землю, а недалеко от нас гавань. Повернув туда, мы нашли ее очень поместительной и глубокой. Вместо воды она была наполнена молоком самого превосходного вкуса. Мы высадились на берег, и тут оказалось, что остров представлял собой одну большую головку сыра. Пожалуй, мы не догадались бы об этом, если бы не одно особое обстоятельство. На нашем корабле находился матрос, питавший врозь отращивание к сыру. Едва он ступил на сушу, как упал в обморок, а когда снова пришел в себя, то стал просить, чтобы у него забрали из-под ног сыр. Присмотревшись внимательно к «почве», мы убедились, что бедняга совершенно прав: весь остров, как уже было сказано выше, представлял собою не что иное, как сыр чудовищных размеров. Население питалось преимущественно им, а количество этого продукта, съеденное жителями за день, постоянно пополнялось в течение ночи. Между прочим, тут же мы увидели роскошные виноградники с прекрасным крупным виноградом, из которого, когда его выжать, течет одно молоко. Обитатели острова были существами прямоходящими, это были красивые создания, по большей части девяти футов роста; они имели по три ноги и по одной руке; по достижении зрелого возраста на лбу у них вырастал рог, которым эти странные существа действовали с большою ловкостью. На поверхности молочного моря они устраивали состязания по бегу на призы и прогуливались по ней, не думая тонуть, так же спокойно, как мы ходим по ровному лугу.

На этом острове, или, точнее, на этом сыре, росла в изобилии пшеница с колосьями, похожими на шаровидные грибы, в которых находились булочки, вполне пропеченные и готовые к употреблению. Во время наших странствий по этому сыру нам встретилось семь молочных рек и две винные.

После шестнадцатидневного путешествия мы достигли противоположного края острова и здесь нашли целые равнины заплесневевшего сыра, который так ценят настоящие гурманы. Однако вместо сырных червей на нем росли превосходные фруктовые деревья: персики, абрикосы и множество других сортов, совершенно неизвестных нам. На этих деревьях поразительной высоты, с пышной кроной, помещалось громадное количество птичьих гнезд. Так, нам бросилось в глаза гнездо зимородка, окружность которого была впятеро больше окружности купола на соборе Святого Павла в Лондоне. Это гнездо было искусно сплетено из гигантских деревьев, и в нем лежало – постойте, дайте-ка припомнить! – по крайней мере пятьсот штук яиц, причем каждое было размером с ведро. Птенцов в них мы не могли видеть, а только

слышали их писк. Когда нам с большим трудом удалось продолбить одно такое яйцо, оттуда вышел неоперившийся птенец, который был значительно крупнее двадцати взрослых коршунов. Только что мы успели выпустить его на волю, как старый зимородок слетел вниз, кинулся на нашего капитана, схватил его когтями, поднялся с ним на целую милю вверх, избил несчастного своими крыльями и швырнул в море.

Все голландцы плавают как крысы; пострадавший капитан вскоре благополучно вернулся к нам, и мы поспешили обратно к своему кораблю, но уже другой дорогой, благодаря чему встретили на пути немало нового и занимательного. Так, мы подстрелили двух диких быков с одним рогом между глаз. Потом нам стало досадно, что мы их убили, лучше бы последовали примеру тамошних жителей, которые приручают этих животных, а потом ездят на них, как мы на лошадях, в упряжке и верхом. Их мясо, по рассказам, чрезвычайно вкусное, но местное население, питающееся исключительно молоком и сыром, считает его совершенно излишней роскошью.

Когда нам оставалось еще два дня пути до нашего судна, мы увидели троих людей, повешенных за ноги к высоким деревьям. Я осведомился, чем заслужили они такое жестокое наказание, и услышал в ответ, что виновные побывали в чужих краях, а по возвращении домой обманули своих друзей, описав им места, которых никогда не видели, и рассказав о вещах, никогда не происходивших в действительности. Я нашел подобную кару весьма справедливой: первая обязанность каждого путешественника – строго придерживаться истины.

Добравшись до своего корабля, мы подняли якорь и отплыли от берегов этой удивительной страны. В момент нашего отплытия все деревья на берегу, не исключая самых больших, дважды поклонились нам, словно по команде, после чего опять выпрямились.

Три дня носилось наше судно по волнам, неизвестно в каких широтах – мы по-прежнему плавали без компаса, – и вдруг очутилось в море совершенно черного цвета. Мы попробовали на вкус мнимую черную воду, и – что же вы думали? – она оказалась превосходнейшим вином! Тут нам пришлось остерегаться, иначе бы весь экипаж спился. Однако общая радость была непродолжительна. Несколько часов спустя нас окружили киты и другие животные исполинских размеров. Между ними было одно, величины которого никто из нас не мог охватить глазом даже с помощью всех подзорных труб. К несчастью, мы заметили это чудовище, лишь подойдя к нему на довольно близкое расстояние; еще минута, и оно втянуло наш корабль со всей его оснасткой и с надутыми парусами в свою страшную пасть сквозь зубы, по сравнению с которыми мачта самого большого военного корабля казалась тонкой палочкой.

После того как мы пробыли некоторое время в пасти морского исполина, он глотнул непомерное количество воды и спровадил наше судно, являвшее собою, без сомнения, маленький кусок, в свой желудок. Здесь все было застывшим, точно мы отстаивались на якорю при мертвом штиле. Воздух, которым приходилось дышать в утробе чудовища, говоря по правде, был тяжел и горяч. И чего только не валялось в нашей темнице: якоря, канаты, шлюпки, барки и немало больших кораблей, частью нагруженных! Все это было проглочено ненасытной тварью. Что-либо делать здесь мы могли не иначе, как при свете факелов. Для нас померкли и солнце, и луна, и прочие небесные светила. Дважды в сутки чередовались в этой ужасной бездне прилив и отлив. Когда животное пило, вода поднималась; когда оно выпускало ее из себя, суда садились на мель. По приблизительному и скромному расчету количества поглощаемой им за один раз воды было более чем достаточно для того, чтоб наполнить Женевское озеро, имеющее в окружности тридцать миль.

На второй день нашего плена в этом царстве мрака я рискнул совместно с капитаном и несколькими офицерами предпринять маленькую экскурсию, когда наш корабль сел на дно. Конечно, все мы запаслись факелами, прежде чем двинуться в путь, но вскоре наткнулись на громадную толпу – здесь было около десяти тысяч человек разных национальностей. Эти люди держали совет относительно способа всеобщего освобождения. Некоторые узники находились

тут уже несколько лет. Но едва председательствующий открыл рот, чтобы изложить суть дела, ради которого все и собрались, как наша проклятая рыба почувствовала жажду и давай пить. Вода до того стремительно хлынула в ее внутренности, что мы бросились врассыпную к своим судам, рискуя утонуть. Многим из нас только с большим трудом удалось спастись вплавь.

Однако несколько часов спустя нам таки представилась счастливая возможность. Когда животное выпустило воду, мы снова сошлись вместе. На этот раз председателем выбрали меня. Я предложил связать концами две самые высокие мачты и, когда рыба разинет пасть, подпереть ими ее нёбо, чтобы она не могла сомкнуть челюсти. План мой был единогласно одобрен, и мы немедленно выбрали сотню самых дюжих молодцов для его осуществления. Только что они приготовили придуманную мною незамысловатую снасть, как нам уже представился случай пустить ее в дело. Чудовище зевнуло, и две сотни могучих рук проворно водрузили в его пасти колоссальную распорку. Один конец ее проткнул язык и уперся в нижнюю челюсть, а другой – в нёбо, что действительно лишало рыбу всякой возможности закрыть свою исполинскую пасть, даже в том случае, если б наши мачты были более хрупкими.

Едва только все, находившееся в рыбьей утробе, всплыло, как мы снарядили несколько лодок, на которых и выбрались на свет Божий. Мы увидали его, должно быть, после двухнедельного заточения, судя по приблизительному расчету, и он безгранично обрадовал наши сердца и взоры. Когда все заключенные очутились на свободе, наши суда составили внушительный флот в тридцать пять кораблей различных наций. Наши мачты были оставлены в пасти чудовища, чтобы избавить других мореплавателей от жестокой участи быть погребенными заживо в этой ужасной бездне мрака и нечистоты.

Нашим первым желанием было узнать, в какой части света мы находимся, что удалось, однако, не сразу. Наконец, основываясь на моих прежних наблюдениях, я убедился, что нас занесло в Каспийское море. Это было тем удивительнее, что оно со всех сторон окружено сушей и не имеет никакого сообщения с другими морями. Мы терялись в догадках. Но один из обитателей сырного острова, которого я взял с собой, рассеял отчасти наше недоумение. Он полагал, что чудовище, в желудке которого мы так долго были заключены, попало сюда каким-нибудь подземным ходом. Так или иначе, но мы снова оказались на воле, радовались своему избавлению и спешили добраться до берега. Я высадился первым.

В ту же минуту откуда ни возьмись появился матерый медведь и направился прямо ко мне. «Добро пожаловать!» – подумал я, схватил его за обе передние лапы и давай пожимать их в знак приветствия до того усердно, что мишка дико взревел. Но меня нисколько не трогал жалобный рев зверя, и я продержал его в таком положении до тех пор, пока он не издох от голода. Это внушило такое глубокое уважение к моей особе всем прочим медведям, что ни один из них не осмелился преградить мне путь.

С берегов Каспийского моря я уехал в Петербург, где получил от одного приятеля подарок, особенно драгоценный для меня, а именно охотничью собаку от знаменитой матки, которая, как я однажды рассказывал вам, оценилась в самом разгаре заячьей травли. К несчастью, вскоре после того она была застрелена одним неловким охотником. Вместо стаи куропаток он уложил на месте поднявшую их собаку. Из ее шкуры я приказал сшить себе на память вот этот жилет. Когда наступает охотничий сезон и я отправляюсь в поле, мой жилет сам приводит меня туда, где есть дичь. Как только я подхожу к ней на расстояние выстрела, от жилета отскакивает пуговица и падает прямо на то место, где притаился зверь или птица, и благодаря тому, что курок моего ружья постоянно взведен, а порох всегда на полке, добыча никогда не ускользает из моих рук. Как видите, на моем жилете уцелело всего три пуговицы, когда же начнется охота, я опять нашью на него два новых ряда.

Покорнейше прошу тогда ко мне в гости. Недостатка в развлечениях у нас, поверьте, не будет. А на сегодня, милостивые государи, позвольте уж мне откланяться и пожелать вам спокойной ночи.